

МАРГАРИТА ФУАРО

БЫВШИЕ

Сыграй мою жену

ОН ХОЧЕТ ИСПРАВИТЬ ПРОШЛОЕ.
НО СМОЖЕТ ЛИ ОНА ЕМУ ДОВЕРИТЬСЯ?

Маргарита Фуаро

Бывшие. Сыграй мою жену

<https://litres.ru/74205539>

Аннотация

ФИНАЛ Пять лет назад Марк Громов разбил мне сердце.

Он назвал меня ошибкой. Выбрал свою семью. Молчал, когда меня уничтожали. А я ушла, потеряв не только любовь, но и то, о чём он так и не узнал.

Я думала, что больше никогда не увижу его.

Но смерть его брата снова привела меня в дом Громовых. И теперь у нас общая задача — спасти маленькую Милу, дочь погибшего Кирилла, которую хотят превратить в оружие в семейной войне.

Чтобы получить опеку, мы должны сыграть идеальную семью.

Жить под одной крышей. Держаться за руки. Спать в одной комнате. Улыбаться тем, кто однажды разрушил нас.

Марк говорит, что всё это только ради ребёнка. Я говорю себе, что ненавижу его.

Но чем дольше мы играем мужа и жену, тем опаснее становится правда.

Потому что Кирилл погиб не случайно. Потому что прошлое возвращается за нами. И потому что Марк всё ещё не знает главного:

когда-то у нас уже был ребёнок.

Содержание

Глава 1. Чужая на похоронах	4
Глава 2. Бывшая жена	17
Глава 3. Дом для троих	33
Глава 4. Одна спальня	50
Глава 5. Не верь Марку	68
Глава 6. Флешка Кирилла	86
Глава 7. Следующей будет девочка	102
Глава 8. Не открывай дверь	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Глава 1. Чужая на похоронах

Я поняла, что зря приехала, ещё до того, как вышла из машины.

У ворот старого особняка Громовых стояли люди в чёрном. Много людей. Слишком много для чужого горя и слишком мало для настоящей любви. Они прятали лица под зонтиками, шептались, бросали взгляды на подъезжающие автомобили и тут же отворачивались, будто боялись увидеть в чужих глазах собственную смерть.

Дождь бил по стеклу так резко, словно кто-то снаружи пытался меня остановить.

Не выходи.

Не возвращайся туда, где тебя однажды сломали.

Я сжала пальцами ручку сумки. На внутренней стороне ладони ногти оставили четыре красные полосы.

Пять лет.

Пять лет я не видела этот дом. Пять лет не слышала эту фамилию вслух без того, чтобы внутри не поднималась тошнота. Пять лет училась жить так, будто Марка Громова никогда не существовало.

И вот я снова здесь.

На похоронах его брата.

Кирилл был единственным из этой семьи, кто когда-то посмотрел на меня не как на ошибку. Не как на девочку не из

их круга. Не как на опасность для наследника Громовых.

Он просто сказал:

«Алиса, если он тебя обидит — я первый дам ему в челюсть».

Тогда я рассмеялась.

Сегодня смеяться было некому.

Я открыла дверь и вышла под дождь.

Холод сразу забрался под воротник пальто. Волосы прилипли к щеке. Каблук провалился в размокший гравий, и я едва не оступилась, но удержалась. Вот уж нет. Не перед нами.

У входа в особняк стояла Валерия Громова.

Даже траур на ней выглядел как власть.

Чёрное платье. Идеально уложенные волосы. Тонкие пальцы в перчатках. Ни одной слезы. Только лицо женщины, которая привыкла хоронить всё, что мешает её семье оставаться великой.

Она увидела меня сразу.

И в этот момент несколько человек рядом с ней тоже обернулись.

Шёпот прошёл по толпе, как сквозняк.

— Это она?

— Та самая?

— После всего ещё посмела прийти...

Я расправила плечи.

Валерия медленно спустилась на одну ступеньку. Не по-

дошла. Конечно, нет. Такие женщины не сокращают расстояние сами. Они заставляют других чувствовать себя ниже.

— Алиса Ветрова, — произнесла она так, будто моё имя было грязью на её дорогих туфлях. — Не ожидала увидеть вас здесь.

— Я приехала проститься с Кириллом.

— Проститься? — уголок её губ дрогнул. Не улыбка. Удар. — Удивительно, как у некоторых людей хватает смелости появляться там, где их никто не ждёт.

Я выдержала её взгляд.

Когда-то я боялась эту женщину. Её голоса. Её тишины. Её способности улыбаться, пока она вырывает у тебя сердце. Больше нет.

— Кирилл меня ждал бы, — сказала я. — Этого достаточно.

В её глазах мелькнуло что-то холодное.

— Кирилл был слишком добр к тем, кто этого не заслуживал.

Я хотела ответить. Острым, точным, болезненным. Хотела сказать, что доброта была единственным нормальным, что осталось в их семье.

Но не успела.

За моей спиной кто-то произнёс:

— Тебе не стоило приезжать.

Я не обернулась сразу.

Глупо, да?

Пять лет убеждать себя, что забыла голос человека. И всё равно узнать его с первого звука. Не просто узнать — почувствовать кожей. Так, будто прошлое положило ладонь мне на затылок и заставило вспомнить всё.

Его руки.

Его смех.

Его губы у моего виска.

Его фразу:

«Уходи, Алиса. Ты была ошибкой».

Я медленно повернулась.

Марк Громов стоял в нескольких шагах от меня.

Чёрное пальто. Прямая спина. Жёсткая линия подбородка. Лицо старше, чем в моей памяти. Не хуже — опаснее. Пять лет сделали его не просто красивым. Они сделали его человеком, рядом с которым хотелось отступить, даже если ты пришла воевать.

Но глаза остались теми же.

Серые. Холодные. Невыносимо знакомые.

Я посмотрела на него и поняла страшную вещь: ненависть не вытеснила любовь. Она просто выросла поверх неё, как колючая проволока поверх старого сада.

— А тебе не стоило когда-то открывать рот, — сказала я ровно. — Но мы оба здесь.

Кто-то рядом тихо ахнул.

Марк не изменился в лице. Только пальцы на ручке зонта сжались сильнее.

— Это похороны моего брата.

— Я помню, чей гроб стоит в доме, Марк.

Впервые за всё время его имя сорвалось с моих губ. И ударило по мне же.

Он сделал шаг ближе.

Валерия тут же положила руку ему на локоть, будто возвращала сына на поводок.

— Не устраивайте сцену, — сказала она негромко.

Я посмотрела на её пальцы на рукаве Марка.

Когда-то эти же пальцы положили передо мной папку с документами и сказали:

«Вы уйдёте тихо. Или я сделаю так, что ваш отец не выйдет из суда ближайшие десять лет».

Тогда я ещё верила, что Марк защитит меня.

Наивная девочка.

Марк перевёл взгляд с матери на меня.

— Кирилл бы не хотел скандала.

— Кирилл бы много чего не хотел, — ответила я. — Например, лежать в гробу в тридцать шесть.

Эта фраза получилась слишком резкой. Даже для меня.

Марк побледнел.

И я впервые увидела не наследника Громовых, не мужчину из прошлого, не того, кто разбил мне жизнь.

Я увидела брата, который не успел спасти брата.

На секунду стало стыдно.

Но только на секунду.

Потому что боль не делает человека невиновным. Иногда она просто показывает, где ещё можно ударить.

— Проходите, Алиса, — внезапно сказала Валерия. — Раз уж приехали.

Её голос был мягким. И от этого страшнее.

Я кивнула и вошла в дом.

Особняк не изменился.

Мраморный пол. Тёмное дерево. Высокие зеркала. Запах дорогих цветов и чужой роскоши. Здесь всё всегда было слишком правильным, чтобы быть живым.

В гостиной стоял гроб.

Я увидела Кирилла и на мгновение перестала слышать дождь, шёпот, шаги за спиной.

Он был слишком неподвижен.

Люди после смерти часто становятся похожими на самих себя, только без главного. У Кирилла забрали улыбку. Ту самую, немного кривую, нахальную, которой он когда-то спасал самые тяжёлые вечера.

Я подошла ближе.

— Прости, — прошептала я.

За что именно — я не знала.

За то, что не писала ему чаще. За то, что вычеркнула всю семью Громовых вместе с ним. За то, что жива.

На краю гроба лежала маленькая белая роза.

Детская.

Я сглотнула.

— Где Мила? — спросила я, не оборачиваясь.

Тишина за моей спиной стала плотнее.

— Не думаю, что это вас касается, — ответила Валерия. Я всё же повернулась.

— Я спрашиваю о дочери Кирилла. Не о вашем мнении. Губы Валерии сжались.

Марк смотрел на меня странно. Так, будто не ожидал, что я вообще знаю имя девочки.

— Она наверху, — сказал он. — С няней.

— Ей пять лет, Марк. Она только что потеряла отца. Ей не нужна няня. Ей нужен кто-то живой.

— А ты теперь специалист по чужим детям?

Я усмехнулась.

— По травмированным — да.

Он замер.

Конечно, он не знал.

Он ничего обо мне не знал. Ни где я жила эти годы. Ни кем стала. Ни сколько ночей меня рвало от одного воспоминания о нём. Ни как я сидела в больничной палате, прижимая ладонь к животу, где уже никого не было.

Не знал — и не имел права знать.

— Мила не выйдет к гостям, — сказала Валерия. — Это решено.

— Кем?

— Семьёй.

Я посмотрела на Марка.

— Ты тоже так считаешь?

Он молчал слишком долго.

Вот за это я ненавидела его сильнее всего. Не за жестокие слова. Не за предательство. Даже не за то, что он не пришёл за мной.

За молчание.

Пять лет назад оно убило меня окончательно.

— Сегодня не день для споров, — сказал он наконец.

Я почти улыбнулась.

— У тебя каждый день не день для правды.

Он резко вдохнул.

Валерия шагнула между нами.

— Довольно.

И в этот момент в дверях появилась девочка.

Маленькая. Худенькая. В чёрном платье с белым воротничком. Волосы тёмные, как у Кирилла. Глаза огромные, испуганные, серые.

Глаза Громовых.

Она держала в руках потрёпанного плюшевого зайца. Один его глаз был пришит криво, ухо болталось на нитке.

Няня торопливо наклонилась к ней:

— Мила, тебе нельзя сюда.

Но девочка не двигалась.

Она смотрела не на гроб.

На меня.

Я не знаю, почему сделала шаг первой. Может, потому что

все остальные в этой комнате стояли так, будто ребёнок был неудобной деталью траурной церемонии. Может, потому что в её лице было одиночество, которое я слишком хорошо знала.

Я опустилась перед ней на корточки.

— Привет, Мила, — сказала тихо. — Я Алиса. Я знала твоего папу.

Девочка прижала зайца к груди.

— Он говорил про вас, — прошептала она.

За моей спиной кто-то резко втянул воздух.

Я не повернулась.

— Правда?

Мила кивнула.

— Сказал... если будет страшно, надо найти Алису.

Мир качнулся.

Я почувствовала, как холод проходит от горла к груди.

Кирилл. Что ты сделал?

Марк подошёл ближе.

— Мила, — сказал он глухо. — Иди к няне.

Девочка посмотрела на него, потом снова на меня.

— Вы останетесь?

Я не могла ответить.

Потому что правильный ответ был: нет.

Я приехала проститься. На час. Максимум на два. Потом уехать обратно в свою жизнь, где нет Громовых, нет этого дома, нет Марка и его серых глаз.

Но ребёнок смотрел так, будто я уже однажды пообещала ей что-то важное.

Хотя я не обещала.

Не ей.

Когда-то я обещала другому ребёнку, которого так и не взяла на руки.

Грудь сдавило.

— Я пока здесь, — сказала я.

Мила протянула мне зайца.

— Подержите?

Я взяла игрушку осторожно, будто она была живой.

Марк смотрел на мои руки.

И в его взгляде впервые не было холода.

Только вопрос.

Слишком поздний. Как и всё, что между нами осталось.

После похорон нас попросили пройти в кабинет.

Не всех. Только семью.

Я уже собиралась уйти, когда ко мне подошёл невысокий пожилой мужчина в строгом костюме.

— Алиса Сергеевна Ветрова?

— Да.

— Я нотариус Кирилла Андреевича. Вам необходимо присутствовать при оглашении завещания.

Я решила, что ослышалась.

— Мне?

— Да.

Марк, стоявший у окна, медленно повернул голову.

Валерия застыла у письменного стола.

— Это какая-то ошибка, — сказала она.

Нотариус поправил очки.

— Ошибки нет.

Я хотела отказаться. Правда хотела.

Но потом увидела Милу. Она сидела в кресле у стены, прижимая к себе зайца, которого я вернула ей после церемонии. Её маленькие ноги не доставали до пола.

И я осталась.

Кабинет Кирилла пах табаком, бумагой и дождём. На столе лежала запечатанная папка. Валерия села во главе, будто даже чужое завещание должно было подчиняться ей.

Марк остался стоять.

Я тоже.

Нотариус начал читать.

Слова сначала проходили мимо. Акции. Доля. Счета. Дом за городом. Благотворительный фонд. Всё то, чем живут люди, привыкшие измерять даже смерть документами.

Потом прозвучало имя Милы.

Я подняла голову.

— Основная доля активов Кирилла Андреевича Громова переходит его дочери, Миле Кирилловне Громовой, до достижения ею совершеннолетия...

Валерия едва заметно кивнула, будто уже знала.

— ...с управлением через назначенных законных пред-

ставителей.

Нотариус сделал паузу.

Мне вдруг стало нечем дышать.

Не знаю почему.

Наверное, потому что Марк тоже напрягся.

— В случае моей смерти, — продолжил нотариус, — прошу назначить совместными опекунами моей дочери Милы Кирилловны Громовой Марка Андреевича Громова и Алису Сергеевну Ветрову.

Тишина ударила громче грома.

Я не сразу поняла смысл фразы.

Марк и Алиса.

Совместными опекунами.

Милы.

— Нет, — сказала Валерия.

Всего одно слово.

Но в нём было больше угрозы, чем в крике.

Нотариус поднял глаза:

— Это воля Кирилла Андреевича.

— Мой сын был не в себе.

— Документы оформлены надлежащим образом.

— Эта женщина не имеет к нашей семье никакого отношения.

Я медленно повернулась к ней.

И сама не узнала свой голос, когда произнесла:

— Ошибаетесь.

Марк посмотрел на меня.

Валерия тоже.

Я должна была остановиться. Должна была промолчать. Должна была уехать, пока прошлое снова не сомкнулось вокруг горла.

Но Мила сидела в кресле и смотрела на меня.

А Кирилл однажды сказал ей: если будет страшно, надо найти Алису.

Я выпрямилась.

— Я была женой вашего сына, Валерия Павловна.

Лицо Марка стало каменным.

Комната будто провалилась в пустоту.

— Бывшей, — добавила я, глядя прямо на него. — Но всё-таки женой.

Глава 2. Бывшая жена

Слова уже прозвучали.

Их нельзя было вернуть обратно, затолкать в горло, спрятать под чёрное платье, под траур, под дождь за окном. Они остались висеть в кабинете Кирилла — тяжёлые, невозможные, почти неприличные.

Я была женой вашего сына.

Марк не шелохнулся.

Валерия Павловна смотрела на меня так, будто я только что плюнула на крышку гроба.

Нотариус замер с листом в руках. Даже Мила перестала теревить ухо плюшевого зайца.

Первой пришла в себя, конечно, Валерия.

— Что за дешёвый спектакль? — произнесла она тихо.

Тихо — у неё всегда значило опасно.

Я медленно повернула к ней голову.

— Не знаю. Вы в этой семье по спектаклям главный специалист.

Её лицо не изменилось, но пальцы на подлокотнике кресла побелели.

Марк сделал шаг вперёд.

— Алиса.

Одно моё имя. Низко. Предупреждающе.

Когда-то от этого голоса у меня слабели колени.

Теперь захотелось рассмеяться.

— Что, Марк? — я посмотрела на него. — Теперь я должна молчать? Опять?

Он сжал челюсть.

— Не при ребёнке.

Я перевела взгляд на Милу.

Девочка смотрела на нас широко раскрытыми глазами. Не плакала. И от этого было хуже. Дети, которые не плачут в такие моменты, обычно уже поняли: взрослые слишком заняты собой, чтобы выдержать их слёзы.

Я выдохнула.

— Простите, — сказала я ей мягче. — Это не из-за тебя.

Мила кивнула, хотя вряд ли поняла.

Валерия поднялась.

— Мила, выйди.

Девочка прижала зайца к груди.

— Нет.

В кабинете стало ещё тише.

У Валерии Павловны дрогнули брови. Кажется, она не привыкла, что ей отказывают. Особенно маленькие девочки в траурных платьях.

— Мила, — её голос стал ледяным. — Выйди к няне.

— Я хочу остаться с Алисой.

Это было сказано почти шёпотом.

Но меня словно ударили.

Я почувствовала, как Марк смотрит на меня. Тяжело.

Внимательно. С тем самым выражением, от которого когда-то хотелось спрятаться у него на груди и рассказать всё. Теперь я только крепче сцепила пальцы.

Валерия усмехнулась.

— Как быстро.

— Мама, — резко сказал Марк.

Она обернулась к нему.

— Что? Неужели ты снова начнёшь защищать её? На этот раз хотя бы вовремя?

Он побледнел.

Удар попал точно.

Я увидела это и неожиданно поняла: она была не только меня. Она была всех, кто был рядом. Просто делала это так изящно, что жертвы сами чувствовали себя виноватыми за кровь.

Нотариус кашлянул.

— Прошу прощения. Я должен закончить оглашение.

— Продолжайте, — сказал Марк.

Его голос стал глухим.

Я не хотела слушать дальше. Во мне всё уже сопротивлялось происходящему. Опека. Завещание. Семья Громовых. Мила, которая за час стала живым узлом на моей шее.

Но я осталась.

Потому что девочка не вышла.

И потому что Кирилл почему-то поставил моё имя рядом с именем Марка.

Нотариус снова опустил глаза к листам.

— В приложении к завещанию Кирилл Андреевич оставил личное пояснение. Цитирую: «Если со мной что-то случится, я не хочу, чтобы моя дочь росла в доме, где любовь считается слабостью. Марк сможет защитить её. Алиса сможет научить её жить».

Я почувствовала, как воздух застрял в лёгких.

Алиса сможет научить её жить.

Кирилл, дурак ты невозможный.

Почему ты решил, что я умею?

Нотариус продолжил:

— «Я понимаю, что мой выбор вызовет сопротивление. Поэтому прошу учесть: на момент составления документа Алиса Сергеевна Ветрова являлась человеком, которому моя дочь доверяла заочно по моим личным рекомендациям. Кроме того, Алиса Сергеевна имеет профессиональный опыт работы с детьми, пережившими травму».

Валерия резко повернулась ко мне.

— Вы специально поддерживали связь с Кириллом?

— Нет.

— Ложь.

— Я не обязана вам отчитываться.

— Вы пять лет выжидали?

Я рассмеялась. Тихо, неприятно даже для самой себя.

— Чего? Когда умрёт человек, который относился ко мне по-человечески, чтобы я получила на руки испуганного ре-

бёнка и войну с вами? Великолепный план. Почти в вашем стиле.

Марк шагнул между нами.

— Достаточно.

— Нет, — сказала Валерия. — Недостаточно. Я хочу увидеть документы.

Нотариус молча достал из папки ещё один лист.

— Свидетельство о заключении брака Марка Андреевича Громова и Алисы Сергеевны Ветровой зарегистрировано пять лет назад. Брак расторгнут четыре года и восемь месяцев назад.

Мила вдруг спросила:

— Вы были мужем и женой?

Никто не ответил.

Даже дождь за окном будто стал тише.

Я присела рядом с ней, хотя внутри всё дрожало.

— Да, — сказала я. — Очень давно.

— А потом перестали?

Я почувствовала, как у меня пересохли губы.

— Да.

— Почему?

Вот он. Самый простой детский вопрос. Тот, на который взрослые строят годы лжи, адвокатов, обид и молчания.

Я не успела придумать мягкий ответ.

Марк сказал за меня:

— Потому что я совершил ошибку.

Я резко подняла на него глаза.

Он смотрел не на меня. На Милу.

— Большую? — спросила девочка.

Марк медленно кивнул.

— Очень.

В груди что-то болезненно сжалось.

Нет. Не надо.

Не смей сейчас выглядеть человеком.

Валерия хлопнула ладонью по столу.

— Это не имеет значения. Завещание не делает эту женщину опекуном автоматически.

Нотариус кивнул.

— Разумеется. Решение будет принимать орган опеки и суд при необходимости. Однако воля отца ребёнка будет иметь существенное значение.

— Я оспарю.

— Это ваше право.

— И докажу, что она не подходит.

Теперь Валерия смотрела прямо на меня.

— Одинокая женщина. Без семьи. Без стабильного дома для ребёнка. С сомнительным прошлым, после которого она исчезла из жизни моего сына.

У меня внутри всё стало холодным.

Вот оно.

Началось.

Марк резко повернулся к матери.

— Хватит.

— А что не так? — спокойно спросила она. — Мы ведь говорим о благополучии Милы. Или ты готов отдать ребёнка женщине, которая однажды уже разрушила эту семью?

Я не успела ответить.

Марк сказал:

— Алиса ничего не разрушала.

Эти слова прозвучали как выстрел.

Слишком поздний.

До смешного поздний.

Я посмотрела на него и почувствовала не благодарность. Ярость.

Пять лет назад мне было двадцать четыре. Я стояла в этом же доме, в другой комнате, и ждала, что он скажет хотя бы это. Одну фразу. Один раз. При всех.

Алиса ничего не разрушала.

Тогда он молчал.

А теперь сказал.

Когда уже некому было спасти ту меня.

— Как трогательно, — Валерия медленно улыбнулась. — Запоздалая верность.

Марк сделал шаг к ней.

— Не начинай.

— Нет, сын. Это ты не начинай. Кирилл мёртв. Его дочь — последняя часть его жизни, которая осталась в этом доме. И я не позволю какой-то бывшей ошибке забрать её у семьи.

Мила вздрогнула.

Маленькое движение, почти незаметное. Но я увидела. Потому что дети слышат всё, даже когда взрослые делают вид, что говорят не о них.

Я поднялась.

— Она не вещь.

Валерия перевела взгляд на меня.

— Что?

— Мила не часть наследства. Не доля. Не способ удерживать власть. Не доказательство, что вы всё ещё главная. Она ребёнок, который сегодня похоронил отца.

На лице Валерии впервые мелькнуло настоящее раздражение.

— Не учите меня семье.

— А вы сначала попробуйте ею быть.

Марк схватил меня за локоть.

Не больно.

Но слишком знакомо.

Я резко выдернула руку.

— Не трогай.

Он отпустил сразу. Будто обжёгся.

Нотариус снова вмешался:

— Прошу всех сохранять спокойствие. Есть ещё одно условие.

Я замерла.

Марк тоже.

Валерия медленно повернулась.

— Какое ещё условие?

Нотариус достал последний лист. Он выглядел неофициально — плотная бумага, неровный сгиб, почерк вместо печати.

— Это личное письмо Кирилла Андреевича к Марку Андреевичу и Алисе Сергеевне. Оно должно быть передано только в случае их совместного присутствия.

Он протянул лист Марку.

Марк не взял.

Тогда нотариус протянул мне.

Я тоже не взяла.

Мила вдруг поднялась с кресла, подошла и взяла письмо сама. Маленькими пальцами, серьёзно, будто понимала: взрослые опять струсили.

Она протянула его мне.

— Прочитайте.

Я посмотрела на Марка.

Он едва заметно кивнул.

Я развернула лист.

Почерк Кирилла был таким же, как он сам: резким, живым, немного небрежным.

«Если вы читаете это вместе, значит, я всё-таки оказался прав: по отдельности вы оба упрямые идиоты, но рядом с Милой у вас может включиться сердце».

Я закрыла глаза на секунду.

Даже после смерти он умудрялся говорить так, что хотелось ударить и обнять одновременно.

Я читала дальше вслух.

— «Я знаю, что прошу невозможного. Алиса, ты имеешь полное право ненавидеть Громовых. Марк, ты имеешь привычку всё портить молчанием. Но у меня нет никого, кому я доверяю больше. Моя мать сделает из Милы наследницу, куклу и оружие. Не дочь. Не живого человека».

Валерия побледнела.

— Прекратите это читать.

Я не прекратила.

— «Если вы хотите защитить её, вам придётся хотя бы на время стать тем, чем вы когда-то были. Семьёй. Не на бумаге. Не в суде. В глазах тех, кто будет решать её судьбу».

Марк смотрел в окно.

Так неподвижно, будто каждое слово резало его изнутри.

Я дочитала последнюю строку — и голос всё-таки дрогнул:

— «Пожалуйста. Сыграйте любовь, если настоящую уже похоронили. Только не отдавайте мою девочку им».

Лист задрожал у меня в руках.

Мила стояла рядом. Молчала.

Я боялась посмотреть на неё.

Потому что понимала: если посмотрю — уже не смогу уйти.

Валерия медленно выпрямилась.

— Это ничего не меняет.

Марк повернулся к ней.

— Меняет.

— Ты не посмеешь.

— Посмею.

Его голос стал другим. Низким. Спокойным. Тем самым, которым мужчины вроде Марка Громова подписывают приговоры и контракты.

— Мила останется со мной.

— С тобой — возможно, — Валерия прищурилась. — Но не с ней.

Она кивнула в мою сторону.

— Органы опеки увидят правду. Вы разведены. Вы не живёте вместе. Вы ненавидите друг друга. У тебя ненормированный график, у неё нет отношения к семье. И если ты думаешь, что одна фраза мёртвого сына заставит всех закрыть глаза на очевидное, ты глупее, чем я считала.

Марк молчал.

И я поняла, что она права.

Это было хуже всего.

Завещание не превращало нас в семью. Не стирало пять лет. Не делало нас пригодными для ребёнка, который нуждался в стабильности. Со стороны мы выглядели как катастрофа.

Марк медленно перевёл взгляд на меня.

Я уже знала, что он скажет.

Поняла раньше, чем он открыл рот.

— Нет, — сказала я.

Он не отвёл глаз.

— Алиса...

— Даже не думай.

— У нас нет другого выхода.

Я отступила на шаг.

— У тебя нет. У меня — есть. Я могу уехать.

Мила тихо втянула воздух.

И я прокляла себя за эти слова в ту же секунду.

Марк посмотрел на девочку. Потом снова на меня.

— Месяц.

Я рассмеялась, но в горле было больно.

— Ты серьёзно?

— Проверки, собеседования, документы. Нам нужно показать, что у Милы есть дом.

— У неё есть дом.

— Нет, — Марк покачал головой. — У неё есть особняк, полный людей, которые делят её будущее, пока она сидит в углу с игрушкой.

Я ненавидела его за то, что он сказал правду.

— Я не вернусь в твою жизнь.

— Я не прошу.

— Просишь.

Он шагнул ближе.

— Я прошу тебя помочь ребёнку.

Вот теперь он ударил правильно.

Не по моей гордости. Не по прошлому. Не по остаткам любви, которые я так долго душила.

По тому месту, которое ещё умело болеть за чужих детей.

— На месяц, — сказал Марк. — Мы будем жить в доме Кирилла. Вместе с Милой. Подадим документы. Пройдём проверки. Убедим всех, что она не останется с моей матерью.

Валерия резко усмехнулась:

— Вы не убедите даже самих себя.

Марк не посмотрел на неё.

— А потом? — спросила я.

— Потом ты уйдёшь, если захочешь.

— Как благородно.

— Не благородно. Честно.

Это слово между нами прозвучало почти оскорбительно.

Я подошла к нему ближе, чтобы Мила не слышала. Хотя, конечно, она всё равно слышала.

— Ты понятия не имеешь, что такое честно.

Он выдержал мой взгляд.

— Знаю. Поэтому и не прошу тебя верить мне.

— А чего просишь?

Марк посмотрел на мою руку. Ту самую, где когда-то было тонкое кольцо. Я сняла его в больнице. После. И больше никогда не носила ничего на этом пальце.

— Сыграй мою жену.

Меня будто толкнули в грудь.

Не просьба.

Не приказ.

Приговор.

Я хотела ударить его. Сказать, что он потерял право про-
износить это слово. Что женой я была тогда, когда верила
ему. Когда ждала. Когда носила под сердцем его ребёнка и
думала, что если скажу — он вернётся.

Но Мила подошла ко мне и осторожно взяла за пальцы.

Её ладонь была маленькой и холодной.

— Пожалуйста, — сказала она.

И всё во мне сломалось не там, где ломал Марк.

Там, где ещё оставалось живое.

Я закрыла глаза.

Месяц.

Всего месяц.

Тридцать дней рядом с человеком, который однажды на-
звал меня ошибкой.

Тридцать дней в доме его семьи.

Тридцать дней лжи ради ребёнка, которому правда могла
стоять будущего.

Я открыла глаза и посмотрела на Марка.

— Условия будут мои.

В его взгляде что-то вспыхнуло.

Не радость.

Надежда. А может, страх.

— Говори.

— Мы не вспоминаем прошлое.

— Хорошо.

— Не касаешься меня без необходимости.

— Хорошо.

— Не лжёшь мне.

Он замолчал.

Вот тут больно стало уже мне.

Я усмехнулась.

— Сложный пункт?

— Нет, — сказал он тихо. — Самый важный.

Я отвернулась первой.

Потому что ещё секунда — и я могла поверить.

А это было опаснее Валерии Громовой, суда и всех семейных тайн вместе взятых.

Валерия подошла к двери.

— Вы пожалеете об этом оба.

Я посмотрела на неё.

— Возможно.

Марк добавил:

— Но не сегодня.

Она ушла, не хлопнув дверью. Такие женщины не хлопают. Они оставляют после себя тишину, в которой становится холоднее.

Мила всё ещё держала меня за руку.

Марк смотрел на нас.

И впервые за пять лет мы стояли втроём так, будто были

чем-то похожим на семью.

Фальшивую.

Невозможную.

Опасную.

А потом Мила тихо спросила:

— А вы будете спать в одной комнате?

Я поперхнулась воздухом.

Марк отвернулся к окну, но я успела заметить, как дрогнул уголок его губ.

Первый раз за день.

Первый раз за пять лет.

И от этого почему-то стало страшнее, чем от всего завешания.

Потому что ненавидеть Марка Громова было легко.

А вот помнить, как он умел улыбаться, — смертельно.

Глава 3. Дом для троих

Я согласилась не сразу.

Точнее, губы уже произнесли «условия будут мои», Марк уже кивнул, Мила уже вцепилась в мою руку так, будто боялась, что я растворюсь, но внутри меня всё ещё кто-то кричал.

Нет.

Не делай этого.

Не возвращайся туда, где тебя однажды не выбрали.

Но дети умеют быть жестокими без всякого желания причинить боль. Они просто смотрят на тебя так, будто ты можешь спасти их мир. И ты вдруг понимаешь, что не имеешь права быть слабой.

Даже если сама давно не спасена.

Мы вышли из кабинета Кирилла почти последними.

В коридоре всё ещё стояли гости. Они шептались, делая вид, что рассматривают картины, цветы, старинные вазы, но на самом деле смотрели только на нас.

На Марка.

На меня.

На Милу между нами.

И я почти физически чувствовала, как новость расплзается по дому.

Бывшая жена вернулась.

Кирилл оставил ребёнка ей.

Марк Громов снова рядом с той, из-за кого когда-то был скандал.

Я отпустила руку Милы первой.

— Мне нужно забрать вещи, — сказала я Марку.

Он остановился.

— Я отвезу.

— Не надо.

— Алиса...

— Я сказала, не надо.

Мила подняла голову.

Я заставила себя смягчить голос:

— Я вернусь. Сегодня.

Девочка молчала.

Не верила.

И это было хуже любых обвинений Валерии Павловны.

Я присела перед ней.

— Смотри на меня, Мила. Я не исчезаю. Просто мне нужно взять одежду, документы и зубную щётку.

Она чуть нахмурилась.

— И зайца?

— Заяц уже с тобой.

— У вас тоже должен быть.

Я не поняла.

Мила протянула мне своего потрёпанного зверя, потом передумала и прижала обратно к себе.

— Нет. Этого нельзя. Он папин.

В груди кольнуло.

— Тогда я возьму своего, — сказала я.

— У взрослых не бывает зайцев.

— Ошибаешься. У взрослых бывают такие зайцы, что детям лучше не знать.

Мила впервые за весь день почти улыбнулась.

Почти.

Я поднялась и поймала взгляд Марка. Он смотрел так, будто увидел во мне что-то, чего не ожидал. Или вспомнил то, что не имел права помнить.

Я отвернулась первой.

— Адрес дома Кирилла скинь сообщением.

— Ты не поедешь одна.

— Марк, если мы начинаем этот месяц с приказов, он закончится сегодня.

Он молчал секунду.

Потом достал телефон.

— Хорошо.

Слово прозвучало тяжело, будто он не привык произносить его в мой адрес.

Когда я вышла из особняка, дождь уже стал мельче. Не ливень — противная мокрая пыль, которая забирается под волосы, под одежду, под кожу.

Я села в машину и наконец позволила себе выдохнуть.

Руки дрожали.

Я положила их на руль и смотрела на свои пальцы. На пустой безымянный.

Когда-то там было кольцо.

Тонкое, почти незаметное. Марк надел его на меня в маленьком ЗАГСе на окраине города, где нас не знал никто. Он тогда смеялся, потому что я перепутала руку, а сотрудница смотрела на нас устало и равнодушно.

— Ветрова, — прошептал он после подписи, — ты понимаешь, что теперь официально моя проблема?

— Громов, — ответила я, — это ты теперь моя проблема.

Мы были идиотами.

Счастливыми идиотами.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Марка.

Адрес.
И следом второе:

«Возьми тёплые вещи. В доме Кирилла плохо с отоплением на втором этаже».

Я почти усмехнулась.

Пять лет молчания.

А теперь он сообщает мне про отопление.

Как заботливый бывший муж.

Как будто между нами не было той ночи, когда я стояла у ворот этого особняка под дождём, а он не вышел.

Как будто я не умоляла охранника передать ему, что мне нужно поговорить.

Как будто на следующий день не проснулась в больнице.

Я завела машину так резко, что мотор вздрогнул.

Нет, Марк.

Не получится.

Ты не вернёшься в мою жизнь через заботу о батареях.

Дома я двигалась быстро.

Чемодан. Одежда. Документы. Ноутбук. Аптечка. Пара книг для Милы — профессиональная привычка, ничего больше. Детям после утраты нельзя сразу говорить «всё будет хорошо». Это неправда. Им нужно дать безопасное место, где можно злиться, молчать, скучать и не быть удобными.

Я стояла у шкафа и выбирала свитер, когда телефон снова зазвонил.

На экране высветилось: **Даниил**.

Я закрыла глаза.

Вот только этого сейчас не хватало.

— Да?

— Алиса, ты где? Я звонил три раза.

Голос у него был спокойный, но в этом спокойствии уже слышалось напряжение. Даниил всегда держал себя в руках. Адвокат до мозга костей. Даже чувства у него были аккуратны, разложены по папкам.

— На похоронах была.

— У Громовых?

Я промолчала.

Он выдохнул.

— Значит, правда.

— Что правда?

— Мне уже позвонили. Сказали, ты устроила там представление.

Я устало опустилась на край кровати.

— Быстро же у нас разносят скорбные новости.

— Алиса.

— Что?

— Ты опять рядом с ним?

Я посмотрела на раскрытый чемодан.

На свитер в руках.

На свою жизнь, которая ещё утром казалась сложной, но хотя бы моей.

— Это не то, что ты думаешь.

— Обычно так говорят, когда всё именно так.

Я усмехнулась, но без радости.

— Мне нужно помочь ребёнку.

На том конце стало тихо.

Даниил знал, куда бить нельзя. Точнее, знал, где у меня всё ещё кровит.

— Какому ребёнку?

— Дочери Кирилла. Ей пять. Он оставил завещание. Там моё имя.

— Почему твоё?

Я закрыла чемодан.

— Хороший вопрос.

— И Марк?

Я не ответила сразу.

— Тоже.

Даниил выругался почти неслышно.

Для него это было как крик.

— Алиса, послушай меня. Семья Громовых — не люди, с которыми можно играть в благородство. Ты сама это знаешь лучше всех.

— Поэтому я и не могу оставить девочку им.

— А себя им оставить можешь?

Я застыла.

Вопрос был честный.

Ненавижу честные вопросы. На них невозможно обидеться достаточно сильно, чтобы не отвечать.

— Это на месяц.

— С ним?

— С ребёнком.

— Не уходи от ответа.

Я встала.

— Да. С ним. Мы должны показать, что у Милы есть стабильная семья.

— Семья? — в голосе Даниила впервые прорезалась злость. — Алиса, он твой бывший муж. Мужчина, после которого ты годами собирала себя по кускам.

— Не напоминай.

— Кто-то должен.

Я сжала телефон.

— Я не прошу разрешения.

— Знаю. И это хуже всего.

Мы оба замолчали.

Даниил был хорошим человеком. Надёжным. Тёплым. Он никогда не давил. Никогда не требовал большего, чем я могла дать. Может быть, поэтому я так и не смогла его полюбить — с ним не нужно было выживать.

А я слишком привыкла путать любовь с пожаром.

— Я приеду, если понадобится, — сказал он уже мягче.

— Как адвокат. Как друг. Как кто угодно.

— Спасибо.

— Алиса.

— Да?

— Не оставайся с ним наедине, когда будет больно.

Я хотела сказать, что уже давно не та девочка.

Но это была бы ложь.

— Постараюсь, — ответила я и сбросила.

Потом ещё минуту стояла в тишине, держа телефон в руке.

Не оставайся с ним наедине, когда будет больно.

Если бы всё было так просто.

Дом Кирилла находился не в центре, а на окраине старого парка.

Не особняк Громовых. Не мрамор, не холод, не музей богатства. Двухэтажный дом из тёмного кирпича, с широкой

верандой и запущенным садом. На крыльце стояли две детские резиновые сапожки — одна ровно, другая на боку.

От этой мелочи мне стало больнее, чем от всего кладбища.

Марк встретил меня у двери.

Без пальто. В чёрной рубашке, с закатанными рукавами. Волосы чуть влажные — видимо, тоже недавно вернулся. Он выглядел уставшим. Не эффектно уставшим, как мужчины на обложках, а по-настоящему: с тенью под глазами, с лицом человека, который держится из последних сил и злится на себя за это.

— Ты быстро.

— Я хотела успеть до того, как передумаю.

Он принял чемодан.

— Я могу сам.

— А я могу сама.

Он всё равно поднял его.

Я решила не устраивать войну из-за колёсиков.

В доме пахло деревом, кофе и детским шампунем. На вешалке висела маленькая жёлтая куртка. На полу у стены стоял рюкзак с нарисованной лисой. В гостиной — фотографии. Кирилл с Милой на качелях. Кирилл в смешной шапке. Мила с мороженым на носу. Кирилл живой.

Я остановилась у одной рамки.

Он держал девочку на плечах и смеялся так широко, что сердце не выдерживало.

Марк подошёл рядом.

— Это было прошлым летом.

— Она похожа на него.

— Когда улыбается.

— Значит, мы пока не знаем, насколько.

Марк посмотрел на меня.

Я пожалела, что сказала это вслух.

Сверху послышался тихий стук.

— Она в своей комнате, — сказал Марк. — Не выходит.

— С похорон?

— Да.

— Ела?

Он отвёл взгляд.

Я поняла ответ.

— Марк.

— Я пытался.

— Приказал?

Он сжал губы.

— Попросил.

— Твоё «попросил» иногда звучит как «если не сделаешь,

я куплю твою планету и выселю тебя».

В его глазах мелькнуло что-то почти живое.

— У меня нет планет.

— Пока.

Он неожиданно тихо сказал:

— Я рад, что ты всё ещё умеешь язвить.

Я застыла.

Нет.

Вот так — нельзя.

Нельзя говорить со мной так, будто между нами есть место для старых привычек.

— Не путай, — сказала я. — Это не «всё ещё». Это заново. После тебя пришлось научиться защищаться всем, что было.

Улыбка, которой почти не было, исчезла.

— Алиса...

— Где моя комната?

Он помолчал.

— Наверху. Рядом с Милой.

— Хорошо.

— Моя в конце коридора.

— Ещё лучше.

— Но есть проблема.

Я медленно повернулась.

— Какая?

Марк посмотрел на лестницу, потом на меня.

— Няня ушла.

— В смысле?

— Мать убедила её, что оставаться здесь опасно для репутации.

Я закрыла глаза.

Конечно.

Валерия Павловна не угрожает сразу. Она выдёргивает опоры одну за другой, чтобы ты упал сам.

— Кто будет с Милой завтра?

— Я.

Я открыла глаза.

— У тебя совет директоров в понедельник, похороны брата сегодня и война за опеку с собственной матерью. Прекрасный план.

— Тогда ты.

— У меня работа.

— Я оплачу...

— Даже не заканчивай.

Он замолчал.

Я подошла к лестнице.

— С графиком разберёмся потом. Сейчас ребёнок не ел.

— Она не пустит.

— Меня пустит.

— Ты уверена?

Я посмотрела на него сверху вниз с первой ступеньки.

— Нет. Но, в отличие от тебя, не буду выглядеть так, будто пришла подписать с ней контракт на ужин.

Марк опустил голову.

И снова этот почти незаметный изгиб губ.

Я отвернулась быстро.

Смертельно.

Комната Милы была приоткрыта.

Я постучала.

— Можно?

Тишина.

Я вошла не сразу. Сначала села прямо на пол у двери, оставив щель.

— Я принесла с собой книги, — сказала я в пустоту. — Но если ты сейчас не хочешь никого видеть, я могу просто посидеть здесь.

Молчание.

Потом тихий голос:

— На полу холодно.

— Это намёк, что ты обо мне беспокоишься?

— Нет.

— Отлично. Значит, я могу замёрзнуть спокойно.

Пауза.

Дверь открылась чуть шире.

Мила стояла в пижаме с маленькими облаками. Лицо у неё было бледное, глаза красные, но сухие.

— У вас правда есть заяц?

— Нет, — призналась я. — Я соврала.

Она нахмурилась.

— Взрослым нельзя врать детям.

— Согласна. Поэтому исправляюсь. У меня нет зайца. Но есть очень вредный кот на работе, который считает себя директором центра.

Мила подумала.

— Он кусается?

— Только плохих людей. И иногда бухгалтерию.

Она открыла дверь полностью.

— У папы был кот.

— Знаю?

— Нет. Он умер раньше. Папа сказал, что коты уходят проверять, хорошо ли на небе.

Я почувствовала, как горло сжалось.

— Твой папа умел придумывать красивые объяснения.

— Он не придумывал. Он знал.

Я кивнула.

— Тогда, наверное, знал.

Мила села на кровать. Я осталась на ковре, не приближаясь.

— Ты голодная? — спросила я.

— Нет.

— Я тоже так говорю, когда очень голодная, но хочу, чтобы все отстали.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Вы будете жить здесь?

— Некоторое время.

— С дядей Марком?

— Да.

— Вы снова муж и жена?

Вот оно.

Детская прямота — самый жестокий судья.

Я подбирала слова осторожно.

— Мы с Марком когда-то были мужем и женой. Сейчас

мы... пытаемся помочь тебе вместе.

— Бабушка сказала, вы обманщица.

Я не вздрогнула. Почти.

— Бабушка много чего говорит.

— Вы обманщица?

— Иногда. Сегодня, например, соврала про зайца.

Мила задумалась.

— А папа говорил, вам можно верить.

Я опустила глаза.

— Я постараюсь, чтобы он не ошибся.

Снизу раздался звонок в дверь.

Резкий.

Долгий.

Мила вздрогнула так сильно, что схватила зайца обеими руками.

Я поднялась.

— Я сейчас вернусь.

Но она вдруг сказала:

— Не уходите.

Я подошла к ней и присела рядом.

— Тогда пойдём вместе?

Она покачала головой.

Снизу слышались голоса. Марк говорил тихо, но в его тоне уже был металл.

Потом я услышала женский голос:

— Проверка условий проживания ребёнка. По срочному

заявлению.

Я замерла.

Валерия.

Не завтра. Не через неделю. Сразу.

Конечно.

Мила смотрела на меня.

— Нас заберут?

Сердце ухнуло вниз.

Я протянула ей руку.

— Нет.

— Точно?

Я не имела права обещать.

Но всё равно сказала:

— Точно.

И впервые сама взяла её за руку.

Мы спустились вниз вместе.

В прихожей стояла женщина лет сорока с папкой в руках и усталым, профессионально непроницаемым лицом. Рядом с ней — Валерия Павловна.

Элегантная. Спокойная. Безупречная.

Марк стоял напротив, и по его лицу было понятно: он едва сдерживается.

Женщина из опеки посмотрела на меня, потом на Милу, потом на наши сцепленные руки.

— Алиса Сергеевна Ветрова?

— Да.

— Нам сообщили, что ребёнок находится в нестабильной обстановке. Конфликт взрослых, отсутствие постоянно ухода, спорное завещание.

Валерия мягко добавила:

— Я лишь беспокоюсь о внучке.

Мила спряталась за мою спину.

И в этот момент Марк сделал то, чего я не ожидала.

Он подошёл ко мне, остановился рядом и спокойно положил ладонь мне на плечо.

Тёплую.

Тяжёлую.

Слишком знакомую.

Я напряглась всем телом.

Он наклонился чуть ближе и сказал так, чтобы услышали все:

— В доме всё стабильно. Моя жена только что приехала. Мы вместе позаботимся о Миле.

Моя жена.

Два слова.

И весь воздух в доме стал другим.

Валерия улыбнулась.

Не победно.

Хищно.

— Как интересно, — сказала она. — Тогда, надеюсь, вы не будете возражать, если проверка начнётся с вашей спальни.

Глава 4. Одна спальня

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

Спальня.

Валерия Павловна произнесла это слово с таким безупречным спокойствием, будто просила показать ей гостевую ванную. Но я видела её глаза. Видела тонкую улыбку. Она не сомневалась: сейчас мы провалимся.

Потому что никакой нашей спальни не существовало.

Была моя комната рядом с Милой.

Была комната Марка в конце коридора.

Был месяц, который ещё даже не начался, а уже трещал по швам.

Женщина из опеки — на бейджике значилось **Ирина Вадимовна** — перевела взгляд на Марка.

— Обычно мы не начинаем осмотр с таких деталей, но раз поступило заявление о фиктивности семейной обстановки, я обязана проверить условия проживания.

Я почувствовала, как пальцы Марка едва заметно сжались на моём плече.

Только на секунду.

Для посторонних это выглядело как поддержка мужа.

Для меня — как сигнал: **молчи, я разберусь.**

И вот тут во мне поднялась злая, почти детская ярость.

Нет, Марк Громов.

Больше ты не будешь разбираться за меня.

Я улыбнулась Ирине Вадимовне.

— Конечно. Поднимемся?

Марк посмотрел на меня.

Очень медленно.

В его глазах было одно короткое слово: **что?**

Я тоже посмотрела на него.

И ответила взглядом: **играем — так играем.**

Валерия Павловна слегка приподняла брови. Кажется, такого она не ожидала. Она ждала смятения, оправданий, паузы. Но не моего согласия.

Мила всё ещё стояла за моей спиной и сжимала мою ладонь.

Я наклонилась к ней.

— Ты можешь подождать в гостиной. Мы быстро.

— Нет, — прошептала она.

— Мила...

— Я с вами.

Я хотела возразить, но Ирина Вадимовна мягко сказала:

— Пусть ребёнок идёт, если ей так спокойнее.

Валерия тут же добавила:

— Ей было бы спокойнее в доме, где взрослые не вынуждены изображать то, чего нет.

Марк повернул к ней голову.

— Мама.

Одно слово.

Но теперь в нём не было просьбы. Только предупреждение.

Валерия улыбнулась ещё тоньше.

— Что, сын? Я всего лишь забочусь о правде.

Я не выдержала.

— Как непривычно, должно быть.

Марк кашлянул.

Кажется, чтобы скрыть неуместный смешок.

Ирина Вадимовна посмотрела на нас обоих уже внимательнее.

Плохо.

Слишком много искр для пары, которая якобы живёт обычной семейной жизнью. Хотя... может, именно так и выглядят люди, пережившие брак: не целуются каждую минуту, а мысленно бросают друг в друга тяжёлые предметы.

Мы поднялись на второй этаж.

Коридор был узким, тёплым, с книжными полками вдоль стены. На одной из них стояли детские поделки: кривой домик из картона, ёжик из шишек, рамка с отпечатком маленькой ладони.

Я на секунду задержалась взглядом.

Мила заметила.

— Это папа хранил, — сказала она тихо. — Даже некрасивое.

— Самое красивое обычно такое и есть, — ответила я.

Марк шёл рядом и молчал.

Но я чувствовала его слишком близко. Его плечо почти касалось моего. Его запах — дождь, горький кофе и что-то знакомое до боли — мешал думать.

В конце коридора он открыл дверь.

Я вошла первой.

Комната Марка.

Конечно.

Большая, с тёмной кроватью, письменным столом у окна и почти пустыми стенами. Слишком аккуратная для человека, который якобы живёт тут давно. На кресле — его пиджак. На столе — часы, телефон, стопка документов. На прикроватной тумбе — стакан воды.

И ничего моего.

Вообще ничего.

Ирина Вадимовна обвела комнату взглядом.

Валерия встала у двери, скрестив руки.

— Какая... строгая супружеская спальня.

Я прошла к шкафу.

— Марк всегда был минималистом.

— Правда? — Валерия посмотрела на сына. — Никогда не замечала.

— Вы много чего не замечали, — сказал он.

Я открыла шкаф.

Мужские рубашки. Мужские костюмы. Мужские свитера.

Провал.

Ирина Вадимовна сделала пометку в папке.

Мила сильнее сжала мою руку.

Я поняла: если сейчас мы рассыпемся, она увидит это первой.

И тогда я сделала то, чего сама от себя не ожидала.

Расстегнула свой чемодан, который Марк, к счастью, оставил у стены, и начала спокойно доставать вещи.

Свитер. Платье. Джинсы. Косметичку.

— Мы только приехали после похорон, — сказала я ровно. — Я ещё не успела разложить вещи.

Марк не моргнул.

Хороший мальчик. Учится.

— Алиса обычно раскладывает всё сразу, — сказал он. — Но сегодня был тяжёлый день.

Я чуть не уронила косметичку.

Обычно.

Он сказал это так уверенно, будто имел право знать мои привычки.

А ведь имел.

Когда-то.

Я ставила книги на подоконник, даже если мы приезжали куда-то на одну ночь. Всегда разбирала сумку сразу, потому что ненавидела ощущение временности.

Марк помнил.

И почему-то от этого стало больнее, чем от его лжи.

Ирина Вадимовна подняла взгляд.

— Вы давно живёте вместе?

Марк ответил раньше меня:

— Мы восстанавливаем отношения.

Очень удобная фраза. Почти правда, если не уточнять, что восстанавливаем мы не отношения, а декорации после взрыва.

— После развода? — уточнила она.

— Да, — сказала я.

— Что послужило причиной возвращения?

Валерия тихо усмехнулась.

Я улыбнулась.

— Смерть близкого человека иногда напоминает, что некоторые обиды не стоят будущего ребёнка.

Марк посмотрел на меня.

Я не посмотрела на него.

Потому что сказала больше, чем собиралась.

Ирина Вадимовна снова что-то записала.

— Ребёнок будет жить в соседней комнате?

— Да, — ответила я. — Ей важно чувствовать, что взрослые рядом, но не давят на неё постоянным контролем.

— Вы специалист?

— Детский кризисный психолог.

— Это указано в документах, но я хотела услышать от вас.

Валерия вмешалась:

— Профессия не делает человека матерью.

Я повернулась к ней.

— А родство не делает человека безопасным.

Тишина стала такой плотной, что Мила перестала дышать.

Я поняла это по её пальцам.

Слишком сильно сжали мои.

Марк подошёл ближе.

— Алиса, — сказал он мягко.

Слишком мягко.

И именно поэтому Ирина Вадимовна смотрела на нас теперь уже не как на двух людей на грани скандала, а как на супругов, которые умеют вовремя остановить друг друга.

Ненавижу, когда он прав даже случайно.

— Простите, — сказала я. — День действительно был тяжёлый.

Ирина Вадимовна кивнула.

— Я понимаю. Можно посмотреть ванную и детскую?

— Конечно.

Мы вышли из комнаты.

Валерия задержалась последней. Проходя мимо меня, она сказала почти беззвучно:

— Неплохо. Но вы устали, Алиса. А усталые люди ошибаются.

Я наклонилась к ней так же тихо:

— А самоуверенные — падают громче.

Её глаза блеснули.

На этот раз я первая пошла дальше.

Осмотр длился сорок минут.

Сорок бесконечных минут, за которые Ирина Вадимовна

проверила холодильник, аптечку, комнату Милы, документы, лестницу, окна, даже замок на входной двери. Я отвечала спокойно. Марк — коротко и по делу. Мила сидела на диване в гостиной и следила за нами так, будто от каждого нашего слова зависело, останется ли над ней крыша.

Впрочем, так и было.

Валерия не отходила ни на шаг.

Она не спорила напрямую. Только бросала фразы.

— Мила плохо ест последние дни.

— Раньше у неё был стабильный режим.

— Кирилл никогда не оставлял её с чужими людьми.

— Алиса Сергеевна ведь только сегодня появилась в её жизни.

Каждая фраза — игла.

Не смертельно.

Но если иголок много, ими можно зашить человеку рот.

Ирина Вадимовна слушала, записывала, не показывала отношения. Это было хуже всего. Я не могла понять, верит она нам или уже мысленно готовит заключение о том, что ребёнка нужно временно передать бабушке.

Наконец она закрыла папку.

— На данный момент оснований для немедленного изъятия ребёнка я не вижу.

Мила тихо выдохнула.

Я тоже.

Марк — нет. Он будто вообще не дышал всё это время.

Валерия улыбнулась.

— На данный момент.

Ирина Вадимовна повернулась к ней:

— Да. На данный момент. Но я назначу повторную проверку. Возможно, без предупреждения. Кроме того, вам необходимо будет пройти собеседование, предоставить график проживания и подтверждение, что ребёнок получает регулярный уход.

— Мы всё подготовим, — сказал Марк.

— И ещё, — она посмотрела на нас обоих. — Учитывая конфликт вокруг опеки, я рекомендую не менять обстановку ребёнка резко. Если вы заявляете, что проживаете семьёй, проживайте семьёй. Постоянно. Не формально.

Слово ударило точно в грудь.

Постоянно.

То есть никаких «я приехала переночевать для вида».

Никаких «уеду утром в свою квартиру».

Никаких безопасных расстояний.

Марк кивнул.

— Понимаю.

Я хотела пнуть его.

Понимает он.

Конечно, ему легко понимать. Это не ему придётся каждую ночь лежать в доме, где прошлое ходит по коридорам босиком.

Ирина Вадимовна попрощалась с Милой, потом со мной

и Марком. Валерия задержалась у двери.

— Я подам заявление в суд, — сказала она сыну.

— Я знаю.

— Ты проиграешь.

— Возможно.

Она посмотрела на меня.

— А вы потеряете больше, чем думаете.

Я устала настолько, что даже не нашла сил на ответ.

Но Мила вдруг вышла вперёд.

— Я не хочу к вам.

Валерия замерла.

Её лицо осталось спокойным, но глаза изменились.

— Мила, ты расстроена. Ты не понимаешь.

— Понимаю.

— Я твоя бабушка.

Девочка прижала зайца к груди.

— А папа сказал искать Алису.

Валерия побледнела.

Вот это было большее, чем любое моё оскорбление.

Потому что ударил Кирилл.

Через собственного ребёнка.

Валерия медленно выпрямилась.

— Тогда ищи, — сказала она тихо. — Посмотрим, кто из взрослых останется рядом, когда станет по-настоящему трудно.

Она ушла.

Дверь закрылась.

И только тогда дом наконец выдохнул.

Мила вдруг отпустила зайца, бросилась ко мне и уткнулась лицом в живот.

Я застыла.

Не потому что не хотела обнять.

Потому что слишком хотела.

Так сильно, что испугалась себя.

Потом всё-таки положила ладонь ей на спину.

— Всё хорошо, — сказала я. — Она ушла.

Мила не плакала.

Просто стояла и дрожала.

Марк смотрел на нас из прихожей.

Его лицо было таким, будто он видит что-то невозможное.

— Ей нужно поесть, — сказала я, не поднимая глаз. — И лечь спать.

— Я приготовлю.

Я всё-таки посмотрела на него.

— Ты?

— Я умею готовить.

— Кофе не считается едой.

— Яичница считается?

— Для пятилетнего ребёнка после похорон? Нет.

Он снял часы и положил на тумбу.

— Тогда научи.

Эта простая фраза почему-то выбила меня сильнее, чем

«сыграй мою жену».

Марк Громов не просил учить.

Он нанимал.

Покупал.

Приказывал.

Решал.

А сейчас стоял на кухне своего мёртвого брата и говорил:
научи.

Я отвела взгляд.

— Суп. Что-нибудь мягкое. Посмотрим, что есть.

Мила подняла голову.

— Я хочу блины.

— Блины на ужин? — спросил Марк.

— Папа разрешал.

Он замер.

Я увидела, как это ударило по нему.

Кажется, слово «папа» теперь каждый раз будет открывать
в этом доме новую рану.

— Значит, блины, — сказала я.

Марк посмотрел на меня.

— На ужин?

— Сегодня можно.

— Ты же психолог.

— Именно поэтому.

Мила чуть крепче обняла меня и впервые за день сказала
не шёпотом:

— С шоколадом.

Я кивнула.

— С шоколадом.

Марк тихо произнёс:

— Я схожу в магазин.

— Нет, — сказала Мила резко.

Мы оба посмотрели на неё.

— Не уходите.

Это было адресовано не мне.

Марку.

Он медленно присел перед ней.

— Я быстро.

Она покачала головой.

— Папа тоже сказал быстро.

И снова тишина.

Такая, от которой ломаются взрослые.

Марк побледнел.

Я поняла: Кирилл погиб не дома. Может, вышел ненадолго. Может, обещал вернуться. Может, Мила ждала.

И теперь каждое «быстро» для неё означало «никогда».

Марк открыл рот, но не нашёл слов.

Я нашла.

— Тогда никто никуда не уходит. Посмотрим, что есть дома.

На кухне обнаружили муку, яйца, молоко и половина плитки шоколада. Марк разбил первое яйцо так, будто обез-

вреживал бомбу. Второе разбил нормально. На третьем Мила неожиданно фыркнула.

— Скорлупа.

Марк посмотрел в миску.

— Где?

— Везде.

— Это белок.

— Это скорлупа.

Я заглянула через его плечо.

— Это катастрофа.

Мила впервые улыбнулась.

Настояще.

Маленькой, осторожной улыбкой.

И ради неё я была готова простить этому вечеру почти всё.

Почти.

Мы ели блины прямо на кухне. Мила — с шоколадом. Марк — без всего. Я — стоя у окна, потому что если бы села рядом с ним за стол, это стало бы слишком похоже на жизнь.

После ужина я отвела Милу наверх.

Она долго выбирала пижаму, потом попросила не выключать свет. Потом спросила, умрёт ли Алиса тоже. Потом — умрёт ли дядя Марк. Потом — можно ли ей не спать, если она боится увидеть сон, где папа уходит.

Я отвечала честно, насколько могла.

Что все люди когда-нибудь умирают, но не сегодня.

Что бояться — нормально.

Что сны не могут забрать людей второй раз.

Что я посижу рядом, пока она не уснёт.

Она уснула, держа меня за рукав.

Я высвободилась только через час.

В коридоре было темно.

Марк стоял у окна.

— Спасибо, — сказал он.

Я устало прислонилась к стене.

— Не начинай.

— Что?

— Быть хорошим.

Он посмотрел на меня.

— Я не хороший.

— Знаю. Поэтому не порти систему.

Он медленно подошёл ближе.

Не слишком. Но достаточно, чтобы я почувствовала тепло его тела.

— Ты сегодня спасла нас.

— Я спасала Милу.

— Я знаю.

— Не включай меня в своё «нас», Марк.

Он молчал.

Потом сказал:

— Ирина Вадимовна права. Нам придётся жить как семья. Хотя бы внешне.

— Я не буду спать в твоей комнате.

— Я перенесу вещи в кабинет.

— Нет.

Он нахмурился.

— Нет?

— После сегодняшней проверки? Валерия будет копать.

Если кто-то придёт ночью или утром, а ты в кабинете на диване, всё закончится.

— Тогда я буду спать на полу.

Я почти засмеялась.

— Герой.

— Алиса.

— Что?

Он смотрел так, будто каждое слово приходилось доставать изнутри с кровью.

— Я не трону тебя.

Эта фраза.

Снова.

Я вспомнила спальню наверху в доме его матери. Тёплую ночь. Его ладонь на моей талии. Наши планы, смешные и невозможные. И следующий день, когда всё рухнуло.

Я сказала:

— Ты уже трогал. Только не руками.

Он закрыл глаза.

На секунду.

Когда открыл, в них было столько вины, что мне захотелось отступить.

Не от страха.

От опасности пожалуй.

— Я знаю, — сказал он.

Я не ожидала этого ответа.

Не сейчас.

Не так.

Где-то внизу скрипнул пол.

Мы оба замолчали.

Дом Кирилла жил своей ночной жизнью: трубы, ветер,
дождь по стеклу.

А потом мой телефон завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера.

Я открыла.

Всего одна строка:

«Не верь Марку. Кирилл погиб не случайно».

Ни подписи.

Ни объяснения.

Только эта фраза.

Я подняла глаза на Марка.

Он сразу понял, что что-то случилось.

— Что там?

Я сжала телефон в руке.

Первый порыв — показать.

Второй — спрятать.

Я выбрала второй.

Потому что правило номер три звучало красиво: **не**

лжёшь мне.

Но мы оба знали: красивые правила первыми и умирают.

— Ничего, — сказала я.

И впервые за этот месяц солгала ему.

Глава 5. Не верь Марку

Я никогда не умела лгать красиво.

В детстве мама говорила, что у меня слишком честные глаза. В институте подруга смеялась: если Алиса врёт, она сразу начинает смотреть в сторону, будто там висит подсказка. А Марк... Марк когда-то целовал меня в висок и говорил, что я самый неудобный человек на свете, потому что даже молчанием умудряюсь говорить правду.

Сейчас я молчала.

И телефон в моей руке весил тяжелее пистолета.

«Не верь Марку. Кирилл погиб не случайно».

Марк стоял в двух шагах от меня. Слишком близко. Слишком внимательно.

— Алиса, — повторил он. — Что там?

Я заставила себя пожать плечом.

— Сообщение по работе.

— В полночь?

— У психологов чужие травмы не заканчиваются в восемнадцать ноль-ноль.

Он не улыбнулся.

Не поверил.

Конечно, не поверил.

Марк вообще хорошо чувствовал ложь. В других. В себе он почему-то называл её необходимостью.

— Ты побледнела.

— День был насыщенный.

— Покажи телефон.

Я медленно подняла на него глаза.

Вот так.

Одна фраза — и передо мной снова не мужчина, который разбивал яйца с видом сапёра, не дядя, растерянный перед пятилетней девочкой, не бывший муж, который час назад обещал не тронуть меня.

А Громов.

Тот самый.

Привыкший, что ему достаточно протянуть руку — и мир положит в неё всё, что он требует.

— Нет.

Он замолчал.

— Я не приказываю.

— Звучит именно так.

— Если тебе угрожают...

— А если нет?

— Тогда почему ты врёшь?

Слово ударило точнее, чем должно было.

Я усмехнулась.

— Какая ирония. Марк Громов спрашивает меня, почему люди врут.

Он отвёл взгляд первым.

Маленькая победа. Глупая. Горькая.

В детской за стеной Мила что-то пробормотала во сне, и мы оба замерли. Прислушались. Тишина. Только дождь царапал стекло.

Марк заговорил тише:

— Нам нельзя сейчас играть друг против друга.

— Мы и не играем вместе. Мы изображаем.

— Для Милы разницы пока нет.

— Вот именно. Поэтому не дави на меня.

Он долго смотрел на меня. Потом отступил.

— Хорошо.

Опять это «хорошо».

Слишком позднее, слишком непривычное.

Я убрала телефон в карман халата, как будто прятала там не сообщение, а целый взрыв.

— Где постельное бельё?

Марк моргнул.

— Что?

— Постельное бельё. Для твоего героического пола.

— Я найду.

— И подушку.

— Алиса...

— И одеяло. Желательно не то, под которым мы должны изображать счастливых супругов перед внезапными проверками.

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Ты издеваешься?

— Поддерживаю семейную атмосферу.

На этот раз уголок его губ всё-таки дрогнул.

Едва.

Но я увидела.

И сразу возненавидела себя за то, что тоже едва не улыбнулась.

Нельзя.

Нельзя давать прошлому дышать.

Спальня Марка теперь пахла моими вещами.

Это было странно до тошноты.

На кресле лежал мой свитер. На тумбе — моя расчёска. В ванной рядом с его бритвой стоял мой крем для рук. Маленькие доказательства общей жизни, которой у нас не было.

Или была.

Просто умерла давно.

Марк расстелил себе место на полу у окна. Без жалоб. Без демонстративного мученичества. Просто принёс одеяло, подушку и лёг поверх покрывала, как человек, который умеет спать где угодно, если заставить себя достаточно сильно.

Я сидела на краю кровати, не раздеваясь, и смотрела на телефон.

Сообщение не исчезло.

Я открывала его снова и снова, будто между буквами могло появиться объяснение.

Не верь Марку.

Самое жестокое в этой фразе было не предупреждение.

А то, что оно не требовало усилий.

Не верить Марку я умела.

Этому меня научил он сам.

— Ляг спать, — сказал он из темноты.

Я вздрогнула.

— Не командуй.

— Я советую.

— Твои советы слишком похожи на приказы.

— А твоя усталость слишком похожа на упрямство.

Я повернула голову.

Он лежал на спине, одна рука за головой, лицо в полосе лунного света. Неправильно красивый. Несправедливо живой в комнате, где я пыталась хоронить его пять лет.

— Ты всегда так делал, — сказала я тихо.

— Как?

— Называл мои чувства упрямством, когда не хотел с ними разбираться.

Он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Я многое делал неправильно.

Я ждала продолжения.

Объяснения.

Извинения.

Правды.

Но он замолчал.

Конечно.

Марк Громов мог признать вину общими словами. Они не ранили его глубоко. Настоящие факты были в другом сейфе — заперты, спрятаны, охраняемы.

Я легла, повернувшись к нему спиной.

Матрас был слишком мягким. Дом слишком чужим. Тишина слишком полной.

Через несколько минут Марк произнёс:

— Когда Кирилл забрал Милу после смерти Лены, он первые полгода почти не спал.

Я не повернулась.

Лена. Мать Милы.

Я знала только, что её не стало, когда девочке было совсем мало. Кирилл никогда не рассказывал подробностей, а я не спрашивала. Мы слишком редко переписывались после моего ухода, и каждая его попытка вернуть меня хотя бы в дружбу упиралась в фамилию Громовых.

— Она просыпалась каждую ночь, — продолжил Марк.
— Кричала. Не давала себя трогать. Он сидел под дверью и пел ей идиотскую песню про зелёного крокодила.

Я закрыла глаза.

— Кирилл не умел петь.

— Ужасно не умел.

В его голосе впервые за вечер появилась мягкость. Не ко мне. К памяти.

— Но она засыпала.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Чтобы ты знала: он правда хотел быть хорошим отцом.

— Я знаю.

— Нет, — сказал Марк. — Ты знаешь Кирилла пятилетней давности. Весёлого, шумного, невозможного. А я видел, как он учился заплетать косички по видео, как путал детские витамины, как отменял сделки из-за утренника. Он изменился.

Я повернулась на спину и уставилась в потолок.

— Люди меняются?

Марк молчал так долго, что я подумала: не ответит.

— Некоторые, — сказал он наконец. — Если теряют достаточно много.

Я усмехнулась в темноте.

— А ты много потерял, Марк?

Он повернул голову.

Я не видела его глаз, но чувствовала взгляд.

— Да.

Сердце почему-то ударило сильнее.

Нет.

Не спрашивай.

Не надо.

Но вопрос всё равно вырвался:

— Что?

— Тебя.

Я резко села.

— Не смей.

Он тоже приподнялся на локте.

— Я ответил.

— Не смей произносить это так, будто я умерла, а не ушла после того, как ты сам меня выгнал.

— Я не...

— Что? — я почти прошипела. — Не выгонял? Не говорил, что я ошибка? Не смотрел на меня так, будто я грязь под ногами твоей семьи?

Он сел полностью.

— Говорил.

Одно слово.

Такое спокойное, что я чуть не задохнулась.

— Тогда не надо делать вид, что ты что-то потерял. Потерять можно то, что держал бережно. А ты выбросил.

Он встал с пола.

Я тоже поднялась с кровати, будто между нами снова началась дуэль.

— Я не выбросил тебя.

— О, правда? А как это называлось?

Он сделал шаг ко мне, потом остановился. Сжал руки в кулаки и разжал.

— Ошибкой.

Я рассмеялась. Больно, глухо.

— Великолепно. Очень глубоко.

— Алиса, я не могу сейчас...

— Конечно. Ты никогда не можешь сейчас. Тогда было

нельзя, потом было поздно, теперь неподходящий момент.
Скажи, Марк, а когда ты собирался стать человеком?

Он побледнел.

Я попала.

И тут из детской послышался короткий всхлип.

Мы оба замерли.

Всё. Конец ссоре.

Я первой бросилась к двери.

Мила сидела на кровати, широко открыв глаза. Заяц валялся на полу. Одеяло сбилось. Девочка дышала часто-часто, будто только что бежала.

— Папа, — прошептала она.

Не нам.

Сну.

Я села рядом.

— Мила. Это сон. Ты дома. Я здесь.

Она посмотрела на меня, не узнавая. Потом вдруг вцепилась в меня так сильно, что стало больно.

— Он уехал. Он сказал быстро.

Марк остановился в дверях.

Я чувствовала его присутствие за спиной, но не оборачивалась.

— Знаю, — сказала я. — Знаю, маленькая.

— А потом телефон. И бабушка сказала не плакать.

Марк едва слышно вдохнул.

Я подняла глаза.

— Что за телефон?

Мила дрожала.

— Дядя Марк кричал.

Я медленно повернулась.

Марк стоял белый как стена.

— В какую ночь? — спросила я.

Он не ответил.

Мила продолжала, уткнувшись мне в плечо:

— Папа сказал, что скоро вернётся. А потом дядя Марк звонил и кричал. А потом все приехали.

Я смотрела на Марка.

Сообщение в кармане словно прожгло ткань халата.

Кирилл погиб не случайно.

— Марк, — сказала я тихо. — Что произошло в ночь смерти Кирилла?

Он закрыл глаза.

— Не при ней.

— Что произошло?

— Алиса.

— Отвечай.

Мила всхлипнула, и я тут же замолчала. Обняла её крепче. Прижалась щекой к её волосам.

— Потом, — сказал Марк. — Я расскажу. Только не сейчас.

Я ему не поверила.

И, кажется, он это понял.

Мила уснула только под утро.

Не в своей кровати — на мне. Я сидела у изголовья, боясь пошевелиться, пока её маленькая ладонь держала край моего рукава.

Марк всё это время был рядом.

Не входил. Не мешал. Сидел в коридоре у стены, согнув одну ногу, и смотрел в темноту.

Когда дыхание Милы стало ровным, я осторожно высвободилась.

— Она спит, — сказала я.

Марк поднялся.

Выглядел он так, будто за ночь постарел ещё на несколько лет.

— Спасибо.

— Не надо.

Я вышла в коридор и прикрыла дверь.

Мы стояли друг напротив друга в сером предрассветном свете. Дом был тихий. Слишком тихий для дома, где столько невысказанного.

— Ты обещал рассказать, — сказала я.

Он посмотрел вниз, на свои руки.

— Кирилл позвонил мне в тот вечер. Сказал, что нашёл кое-что важное. Просил приехать.

— Что именно?

— Не сказал по телефону.

— И ты?

— Я был на совещании. Ответил, что приеду позже.

— Позже?

Его лицо дёрнулось.

— Да.

— А потом?

— Потом он поехал сам. Его машина вылетела с трассы.

Я долго молчала.

— Почему Мила говорит, что ты кричал?

— Потому что я кричал, когда узнал.

— Или потому что вы с Кириллом ссорились?

Он посмотрел на меня резко.

— Нет.

Слишком быстро.

— Марк.

— Мы не ссорились.

— Ты врёшь?

— Нет.

— А как я должна понять?

Он шагнул ближе, но я подняла руку, останавливая.

— Не надо.

Он остановился.

— Я не виноват в смерти брата, Алиса.

Фраза была страшной.

Потому что я ещё не обвиняла его вслух.

— Тогда почему кто-то пишет мне, что ему нельзя верить?

Марк застыл.

Я поняла ошибку слишком поздно.

Он медленно произнёс:

— Вот что было в сообщении.

Я промолчала.

Теперь лгать было бессмысленно.

— Покажи.

— Нет.

— Алиса.

— Нет, Марк. Ты сказал, что расскажешь. Рассказал ровно столько, сколько выгодно тебе. Поздравляю, традиции соблюдены.

Он сжал челюсть.

— Ты не понимаешь, во что можешь влезть.

— Зато ты, конечно, понимаешь. Поэтому снова всё решишь сам?

Он закрыл глаза.

— Кирилл перед смертью искал документы по старому делу.

Я перестала дышать.

— Какому делу?

Он открыл глаза.

И я увидела в них то, чего боялась.

Знание.

Старое. Тяжёлое. Запертое.

— По твоему.

Комната качнулась, хотя мы стояли в коридоре.

— Моему?

— Обвинение в сливе документов. Конкуренты. Скандал.

Всё, из-за чего...

— Из-за чего ты назвал меня ошибкой?

Он вздрогнул.

— Да.

Я отступила на шаг.

— Ты знал?

— Нет.

— Марк.

— Не тогда.

— Когда узнал?

Он молчал.

И этого было достаточно.

Я почувствовала, как внутри поднимается ледяная волна.

— Когда? — повторила я.

— Позже.

— Через день? Неделю? Год?

Он не ответил.

Я засмеялась. Беззвучно.

— Господи. Ты знал, что меня подставили.

— Я подозревал.

— И молчал.

— Я пытался...

— Молчал.

Он сделал шаг.

— Я пытался найти доказательства.

— Для кого? Для суда? Для себя? Для того, чтобы однажды прийти и красиво сказать: «Алиса, я почти не был подонком»?

— Перестань.

— Нет, это ты перестань! — я впервые сорвалась на крик и тут же зажала рот рукой, оглянувшись на дверь Милы.

Тишина.

Она не проснулась.

Я понизила голос, но от этого он стал только страшнее:

— Ты хоть понимаешь, что я потеряла из-за твоего молчания?

Он замер.

Не просто замолчал — окаменел.

А я поняла, что подошла к краю.

Ещё одно слово — и он узнает.

Про больницу.

Про белые стены.

Про врача, который говорил слишком осторожно.

Про ребёнка, которого не стало до того, как он узнал, что существовал.

Я отступила.

— Забудь.

— Алиса...

— Забудь, я сказала.

Развернулась и пошла вниз, потому что если остаться, я

либо ударю его, либо расскажу всё. А я не знала, что страшнее.

На первом этаже было темно. Я вошла в кабинет Кирилла, даже не включая свет.

Почему туда? Не знаю.

Наверное, потому что мёртвые иногда честнее живых.

Письменный стол стоял у окна. На нём — чашка с засохшим кофе, ручка, блокнот, детский рисунок Милы: три человечка, солнце и большой кривой дом.

Я провела пальцами по краю стола.

— Что ты нашёл, Кирилл? — прошептала я.

Ответа, конечно, не было.

Я открыла верхний ящик.

Пусто. Только скрепки и визитки.

Второй.

Папки со счетами. Детские наклейки. Старый чек.

Третий ящик не поддался.

Заперт.

Я дёрнула ещё раз.

— Ищешь что-то конкретное?

Я резко обернулась.

Марк стоял в дверях.

— Не твоё дело.

— Это кабинет моего брата.

— А он втянул в это меня.

Марк прошёл внутрь, включил настольную лампу. Тёплый

круг света упал на стол.

— Этот ящик был закрыт ещё при мне. Ключа нет.

— Удивительно. У Громовых пропадают ключи, люди, правда...

— Алиса.

— Что?

Он подошёл к столу, наклонился и провёл пальцами под нижней кромкой.

Щелчок.

Ящик открылся.

Я уставилась на него.

— Ключа нет, значит?

— Кирилл всегда прятал запасной под столом. С детства.

Он выдвинул ящик.

Внутри лежала тонкая серая папка.

Без названия.

Сверху — флешка, приклеенная скотчем к листу бумаги.

На листе было написано рукой Кирилла:

«Если я не успею — отдать Алисе. Не Марку».

Марк прочитал одновременно со мной.

И впервые за все годы я увидела, как его лицо стало по-настоящему пустым.

Не холодным.

Не закрытым.

Пустым.

Как у человека, которого предал мёртвый брат.

Я медленно взяла флешку.

Марк не остановил.

Только сказал тихо:

— Алиса, нам нужно открыть это вместе.

Я посмотрела на надпись.

Не Марку.

Потом на него.

— Нет, — сказала я. — Теперь я буду решать сама.

Глава 6. Флешка Кирилла

Я ушла из кабинета с флешкой в кулаке.

Не быстро. Не бегом. Хотя внутри всё требовало именно этого — бежать, закрыться в комнате, включить ноутбук и узнать, что Кирилл хотел сказать мне перед смертью.

Мне.

Не Марку.

Эти два слова на листе жгли сильнее любого обвинения.

Марк шёл за мной.

Я слышала его шаги. Ровные, тяжёлые, сдержанные. В них не было паники, но я знала его достаточно хорошо, чтобы понять: он на грани.

Как и я.

На кухне всё ещё пахло блинами. На столе стояла тарелка с засохшими шоколадными разводами. Детская вилка лежала рядом с салфеткой, на которой Мила нарисовала зайца. Обычная кухня. Обычное утро, которое ещё не наступило.

И посреди всего этого — смерть, старая ложь и флешка мёртвого человека.

Я поставила ноутбук на стол.

— Алиса, — сказал Марк.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что там.

— Зато я знаю, кому Кирилл просил это отдать.

— Он был моим братом.

Я резко обернулась.

— А я была человеком, которому он доверил правду. Почувствуй разницу.

Марк замолчал.

Попала.

Но мне не стало легче.

Я включила ноутбук. Пальцы дрожали так сильно, что я с первого раза не попала в разъём. Ненавижу это. Ненавижу, когда тело выдаёт то, что я пытаюсь спрятать.

Марк подошёл ближе.

— Я могу помочь.

— Ты можешь отойти.

— Если это касается смерти Кирилла...

— То ты будешь последним, кому я это доверю.

Он побледнел.

На секунду я почти пожалела.

Почти.

Но потом вспомнила: пять лет назад я стояла одна против всей его семьи. Без доказательств. Без защиты. Без мужа. И никто из Громовых не пожалел меня вовремя.

Флешка открылась не сразу.

На экране появился один файл и одна папка.

Файл назывался: «Алисе_смотреть_первым».

Папка: «после».

На видео стоял пароль.

Я выдохнула сквозь зубы.

— Чёрт.

Марк наклонился, но я захлопнула ноутбук ладонью.

— Не смотри.

— Я не успел.

— И не надо.

— Пароль?

— Очевидно.

Он отошёл к окну. Молчал секунд десять. Потом сказал:

— Кирилл часто ставил пароли, связанные с Милой.

— Я не спрашивала.

— Попробуй дату её рождения.

— Марк.

— Попробуй.

Я хотела отказаться просто из принципа. Но принцип не открывает зашифрованные файлы.

Я ввела дату рождения Милы.

Ошибка.

Имя Милы латиницей.

Ошибка.

Имя Кирилла.

Ошибка.

Фамилия Громов.

Ошибка.

После пятой попытки программа предупредила, что осталось три ввода.

Я откинулась на спинку стула.

— Прекрасно. Даже после смерти Кирилл издевается.

Марк неожиданно тихо сказал:

— Он любил это.

Я посмотрела на него.

В сером предрассветном свете он выглядел почти чужим. Не властным. Не опасным. Просто человеком, у которого умер брат, и теперь даже пароль от флешки казался последним разговором.

— Что ещё? — спросила я.

Он не сразу понял.

— Что?

— Что он любил? Какие слова? Какие шутки? Что мог поставить?

Марк сел напротив.

Между нами был стол, ноутбук и пять лет.

— Мила говорила про песню, — сказал он. — Зелёный крокодил.

— Это слишком странно.

— Для Кирилла — нет.

Я открыла ноутбук.

Ввела: **zeleniykrokodil**.

Ошибка.

Марк нахмурился.

— Попробуй по-русски.

— Пароль кириллицей?

— Он мог.

Я ввела: **зеленыйкрокодил**.

Ошибка.

Осталась одна попытка.

Мы оба замерли.

— Нет, — сказала я. — Больше не рискуем.

— Подожди.

Марк закрыл глаза, будто пытался вытащить из памяти что-то очень старое.

— Он всегда писал «зелёный» через «е», потому что говорил, что буква «ё» слишком нервная.

Несмотря на всё, я посмотрела на него как на сумасшедшего.

— У вашей семьи были странные проблемы.

— У нашей семьи вообще проблемы.

Это прозвучало настолько честно, что я не нашлась с ответом.

Я ввела: **зеленыйкрокодил**.

На экране мигнуло окно.

Файл открылся.

Я перестала дышать.

Марк тоже.

— Выйди, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Алиса.

— Выйди. Там написано — мне.

— Если он говорит о том, кто убил его...

— Я позову, если решу.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Марк встал.

По лицу было видно: каждое движение даётся ему с трудом. Не потому что он хотел контролировать меня. Хотя и поэтому тоже. Но ещё потому, что за этой дверью могла быть последняя воля брата. А я не пускала его.

Он остановился у выхода.

— Я буду в гостиной.

— Отлично.

— Если услышишь что-то важное...

— Я не ребёнок, Марк.

Он тихо ответил:

— Знаю.

И ушёл.

Я дождалась, пока его шаги стихнут.

Только потом нажала на воспроизведение.

На экране появился Кирилл.

Живой.

Сидел в своём кабинете. Волосы растрёпаны, рубашка расстёгнута у ворота, под глазами тени. Он выглядел так, будто не спал несколько суток. Но улыбнулся. Криво. Как раньше.

— Привет, Алиса.

Я зажала рот ладонью.

Господи.

Глупо, но я почти ждала, что он сейчас скажет: «Да ладно, Ветрова, не реви, я просто драматично записал видео».

Но он не сказал.

Он смотрел в камеру очень серьёзно.

— Если ты это смотришь, значит, я либо трус и не успел сказать лично, либо идиот и со мной что-то случилось. Зная себя, скорее второе.

Я всхлипнула и тут же разозлилась на себя.

Кирилл вздохнул на записи.

— Слушай внимательно. И пожалуйста, не отдавай это Марку сразу. Не потому что он враг. Он не враг, Алиса. Но он всю жизнь сначала спасает семью, а потом думает, кого этой семьёй задавило.

Я закрыла глаза.

Как точно.

Как невыносимо точно.

— Пять лет назад тебя подставили, — продолжил Кирилл.
— Это не догадка. Я нашёл часть переписки, платежи и человека, который готов говорить, если ему обеспечат защиту. За слив документов заплатили люди, связанные с матерью. Формально через третьих лиц, но следы ведут к ней.

Пальцы похолодели.

Я знала.

В глубине души я всегда знала.

Но одно дело — знать кожей. Другое — слышать это от мёртвого человека, который успел собрать доказательства.

— Мотив был простой, — сказал Кирилл. — Ты мешала. Марк собирался выйти из-под контроля, а ты была единственным человеком, ради которого он мог это сделать. Мама решила убрать тебя самым грязным способом.

Я смотрела в экран и почти не моргала.

Кирилл отвёл взгляд, будто ему было стыдно.

— Я должен был понять раньше. Прости. Я тогда тоже поверил, что всё сложнее, что дыма без огня не бывает, что Марк сам разберётся. А Марк... он не разобрался. Он сделал то, что умеет лучше всего: выбрал боль вместо правды и назвал это защитой.

Я резко вдохнула.

В гостиной что-то скрипнуло.

Марк?

Я остановила видео и обернулась.

Никого.

Но я всё равно встала, подошла к двери и закрыла её плотнее.

Потом вернулась.

Кирилл продолжил:

— Самое важное. За неделю до аварии я понял, что история с твоим делом связана не только с прошлым. Те же люди начали готовить документы по Миле. Если бы я не успел изменить завещание, мама получила бы полный контроль над

её долей. А дальше... ты понимаешь.

Нет.

Я не хотела понимать.

Но понимала.

— Я не уверен, что моя авария будет случайной, — сказал Кирилл.

В комнате стало ледяно.

— Звучит параноидально, да? Я бы сам посмеялся. Но тормоза проверяли два дня назад, а вчера машина вела себя странно. Сегодня мне позвонил человек, который обещал передать оригиналы документов. Я еду к нему. Если вернусь — сам всё расскажу. Если нет...

Он замолчал.

На записи было слышно, как где-то в доме смеётся Мила. Маленький далёкий смех.

Кирилл закрыл глаза.

Когда открыл, они были красными.

— Если нет, забери её из этого дома, Алиса. Я знаю, что не имею права просить. После всего, что моя семья сделала с тобой. Но ты единственная, кто сможет не превратить её в Громову.

Я сидела неподвижно.

Не превратить её в Громову.

Какое страшное завещание для ребёнка с этой фамилией.

— Марк нужен тебе, — продолжил Кирилл. — Без него ты не удержишь опеку. Но не верь словам. Смотри, что он

сделает, когда правда начнёт стоять ему власти.

Я тихо выдохнула.

— И последнее, — сказал он.

Я напряглась.

— Есть вещь, которую Марк не знает. И я не знаю, имею ли право говорить. Поэтому не скажу. Но если он узнает... Алиса, не дай ему использовать вину как способ вернуть тебя. Ты не обязана прощать человека только потому, что он наконец понял масштаб того, что разрушил.

Сердце остановилось.

Он знал.

Кирилл знал про ребёнка?

Как?

Когда?

Запись на секунду пошла помехами.

Кирилл наклонился ближе к камере.

— В папке «после» — копии документов, контакты и аудио. Пароль тот же. Оригиналы не дома. Они в ячейке. Ключ у человека, которому я доверял больше, чем себе. Если успею — он свяжется с тобой. Если нет — ищи подсказку там, где Марк однажды промолчал.

Видео закончилось.

Экран погас.

Я сидела и не могла пошевелиться.

Там, где Марк однажды промолчал.

Таких мест было слишком много.

Весь наш брак, если честно, закончился одним огромным молчанием.

Я закрыла ноутбук и прижала ладони к лицу.

В голове не было мыслей. Только обрывки.

Валерия.

Подстава.

Авария.

Мила.

Марк нужен тебе.

Не верь словам.

Смотри, что он сделает.

В дверь постучали.

Я вздрогнула так сильно, что ударилась коленом о стол.

— Алиса?

Марк.

— Что там?

Я не ответила.

Он постучал ещё раз.

— Я слышал голос Кирилла.

Ну конечно.

Голос мёртвого брата нельзя спрятать за дверью.

Я открыла ноутбук снова, быстро скопировала файл на рабочий стол, а папку «после» попыталась открыть.

Пароль подошёл.

Внутри были десятки файлов.

Сканы.

Аудиозаписи.

Фотографии.

Одна папка называлась: «Ветрова_дело».

Другая: «Мила_опека».

Третья: «авария».

И ещё одна.

Я увидела название — и у меня похолодела спина.

«Больница_Алиса».

Нет.

Нет-нет-нет.

Я захлопнула ноутбук.

Слишком поздно.

Дверь открылась.

Марк стоял на пороге. Видимо, я забыла повернуть ключ.

Или не закрыла до конца.

Он посмотрел на меня.

Потом на ноутбук.

— Что ты увидела?

— Выйди.

— Ты плачешь.

Я резко провела ладонью по щеке.

— Не лъсти себе.

Он сделал шаг в кухню.

— Кирилл говорил обо мне?

— Конечно говорил. У всех мёртвых Громовых есть привычка портить мне жизнь через тебя.

— Алиса.

— Я сказала, выйди.

— Нет.

Вот он.

Настоящий Марк.

Не тот, который разбивает яйца и сидит в коридоре у детской.

Этот.

Жёсткий. Упрямый. Опасный.

— Тогда я уйду сама.

Я схватила ноутбук, но Марк оказался быстрее. Не забрал — просто накрыл мою руку своей, останавливая.

Прикосновение было коротким.

Но меня словно током ударило.

Я дёрнулась.

— Не трогай меня!

Он отпустил мгновенно.

— Прости.

— Не извиняйся автоматически. Это унижительно для нас обоих.

— Я хочу знать, что сказал мой брат.

— А я хочу пять лет назад. Но у нас обоих проблемы с невозможным.

Его лицо дрогнуло.

В этот момент экран ноутбука сам вышел из спящего режима.

Я не успела отвернуться.

Марк увидел список папок.

Его взгляд пробежал по названиям.

Ветрова_дело.

Мила_опека.

авария.

И ниже.

Больница_Алиса.

Он замер.

Комната стала такой тихой, что я слышала собственное сердце.

Марк медленно поднял на меня глаза.

— Больница?

Я захлопнула крышку.

— Не твоё дело.

— Почему у Кирилла была папка с таким названием?

— Я сказала...

— Алиса.

В его голосе впервые была не власть.

Страх.

Настоящий, голый страх.

И от него мне стало ещё хуже.

— Ты болела?

Я рассмеялась.

Коротко. Пусто.

— Какая забота с опозданием на пять лет.

Он побледнел так резко, будто я ударила его.

— Это было тогда?

Я молчала.

— После нашего расставания?

— Не нашего, Марк. Твоего.

Он сделал шаг назад.

Словно сам воздух между нами стал ядом.

— Что случилось?

Я посмотрела на него и вдруг поняла: ещё секунда — и скажу.

Прямо здесь.

На кухне Кирилла.

Под утро.

Скажу: у нас был ребёнок.

Скажу: ты не просто потерял меня.

Скажу: ты даже не знал, кого похоронил своим молчанием.

Но сверху раздался крик.

— Алиса!

Мила.

Я сорвалась с места первой.

Марк — за мной.

Мы влетели в детскую почти одновременно.

Мила сидела на кровати, бледная, с телефоном Кирилла в руках. Видимо, нашла его в тумбочке или под подушкой.

Экран светился.

На нём было новое сообщение.

Без имени отправителя.

Только текст:

«Скажи Алисе, чтобы вернула то, что взяла. Иначе следующей будет девочка».

Глава 7. Следующей будет девочка

Телефон в руках Милы светился так ярко, будто в темноте комнаты открылся чужой глаз.

«Скажи Алисе, чтобы вернула то, что взяла. Иначе следующей будет девочка».

Я прочитала сообщение один раз.

Потом второй.

Потом буквы начали расплываться.

Не от слёз.

От ярости.

Такой холодной, что внутри всё стало ясным до боли.

Кто бы ни написал это, он только что совершил ошибку. До этой секунды я могла бояться за себя, сомневаться, прятать флешку, не доверять Марку, думать, как сбежать из этой истории хотя бы душой.

Но теперь они тронули Милу.

И этим подписали себе приговор.

Марк подошёл к кровати медленно. Не резким движением, не рывком, хотя я видела, как его руки сжались в кулаки.

— Мила, — сказал он тихо. — Дай телефон мне.

Девочка не двигалась.

Она смотрела на экран, не моргая.

— Я следующая? — спросила она.

От этих двух слов меня будто ударили в солнечное спле-

тение.

Марк замер.

Я видела, как он ломается. Видела, как человек, привыкший решать всё силой, деньгами, фамилией, вдруг не может найти ни одного правильного слова для ребёнка.

Я села перед Милой на край кровати.

— Посмотри на меня.

Она не сразу подняла глаза.

— Я следующая?

— Нет.

— Там написано.

— Люди иногда пишут страшные вещи, чтобы напугать.

Это не значит, что у них получится.

— А у папы получилось умереть.

Марк резко отвернулся к окну.

Я протянула руку, но не забрала телефон. Нельзя вырывать у ребёнка то, что она считает доказательством опасности. Так я говорила родителям на консультациях. Так я учила других.

Как оказалось, самой выполнять это было почти невозможно.

— Твой папа не хотел умирать, — сказала я. — И мы сейчас сделаем всё, чтобы ты была в безопасности.

— Вы обещаете?

Я сглотнула.

Обещания — опасные вещи. Особенно детям. Они запо-

минают не слова, а то, как ты потом их предал.

Но я всё равно сказала:

— Да.

Марк повернулся.

— Мы обещаем.

Я посмотрела на него резко.

Мы.

Опять это слово.

И в этот раз я не смогла возразить, потому что Мила смотрела на нас обоих так, будто если один из нас исчезнет из фразы, она тоже развалится.

Девочка медленно протянула телефон Марку.

Он взял его осторожно, как бомбу.

— Откуда он у тебя?

— В папином ящике.

— Ты знала пароль?

Мила кивнула.

— Это мой день рождения. Папа говорил, что я его главный пароль.

Я закрыла глаза на секунду.

Кирилл, зачем ты оставил телефон там, где она могла его найти?

И тут же поняла: может, не оставил.

Может, кто-то хотел, чтобы именно Мила увидела это сообщение.

— Когда оно пришло? — спросила я.

Марк посмотрел на экран.

— Две минуты назад.

Я встала.

— Значит, тот, кто написал, знает, что флешка у меня.

— Или видел, что мы её нашли, — сказал Марк.

Мы посмотрели друг на друга.

Дом вдруг перестал казаться тёплым.

Стены, окна, лестница, тёмный коридор — всё стало возможным местом для чужих глаз.

Марк подошёл к окну и отодвинул штору.

— Стой, — сказала я.

— Что?

— Не становись напротив стекла.

Он замер.

Медленно опустил штору обратно.

И только тогда я поняла, что сказала это голосом профессионала, а не испуганной женщины. Как будто в голове включился другой режим: оценка угрозы, стабилизация ребёнка, контроль взрослых.

Страх придёт потом.

Если будет время.

— Мила, — я повернулась к ней, — сейчас мы все спустимся вниз. Ты возьмёшь зайца, плед и будешь сидеть рядом со мной. Хорошо?

Она кивнула.

— А спать?

— Пока не надо.

— Потому что опасно?

— Потому что взрослым нужно немного разобраться, а тебе лучше быть рядом.

Марк смотрел на меня.

В его глазах впервые не было попытки спорить.

Только согласие.

И ещё что-то.

Уважение?

Нет. Не думай об этом.

Мы спустились на первый этаж втроём. Марк включил свет в гостиной и проверил входную дверь. Потом окна. Потом заднюю дверь на кухне.

Мила сидела на диване, укутанная пледом, и не отпускала моего рукава.

— У тебя есть охрана? — спросила я.

— Да.

— Где?

— После похорон я отпустил людей. Не хотел пугать Милу.

— Замечательно.

Он достал телефон.

— Сейчас верну.

— Только не тех, кто работает на твою мать.

Он остановился.

— Они работают на меня.

Я посмотрела на него.

Он понял без объяснений.

В этой семье слово «работают» было слишком гибким.

Марк набрал номер.

— Артём. Подними двух людей. Не из основного состава.

Тех, кому платил лично Кирилл. Да, сейчас. Дом Кирилла.

Внешний периметр, камеры, въезд. Без шума.

Пауза.

— И найди, откуда отправлено сообщение на телефон брата.

Он отключился.

— Артём? — спросила я.

— Мой начальник безопасности.

— Ему можно верить?

Марк посмотрел мне прямо в глаза.

— Я не знаю.

Честный ответ.

Плохой.

Но честный.

Мила тихо спросила:

— А бабушка может прийти?

Я села рядом.

— Без нашего разрешения — нет.

— Она всё равно приходит.

Марк напрягся.

— Когда?

Девочка пожала плечами.

— Иногда. Когда папы не было. Говорила няне, что она бабушка и ей можно.

Я медленно повернулась к Марку.

— Ты знал?

— Нет.

— Конечно.

Он сжал телефон так, что побелели пальцы.

— Я не знал.

И почему-то сейчас я поверила.

Не потому что доверяла ему. Просто на его лице было то самое выражение, которое невозможно сыграть: ярость человека, который понял, что угроза была рядом давно, а он смотрел в другую сторону.

Марк набрал ещё один номер.

— Мама, — сказал он.

Я напряглась.

Мила тоже.

Голос Валерии Павловны был не слышен, но я почти могла представить её тон: спокойный, холодный, безупречно недовольный тем, что её потревожили.

— Ты была в доме Кирилла без его разрешения? — спросил Марк.

Пауза.

— Отвечай.

Ещё пауза.

Он слушал, и лицо его становилось всё жёстче.

— Сейчас на телефон Кирилла пришла угроза Миле.

Я увидела, как он поднял глаза на меня.

— Нет? Как удобно.

Значит, она отрицала.

— Где ты была десять минут назад?

Пауза.

— Кто может подтвердить?

Он медленно выдохнул.

— Передай трубку.

Я поняла: у неё алиби.

Слишком быстрое.

Слишком идеальное.

Марк слушал чей-то голос, потом отключился.

— Она в городской клинике, — сказал он. — С сердечным приступом у старшей сестры. Врач подтвердил.

Я рассмеялась коротко и зло.

— Разумеется.

— Алиса...

— Нет, правда. Какая удача. Угроза приходит ребёнку, а Валерия Павловна в этот момент окружена врачами, свидетелями и стерильным запахом невиновности.

— Я не сказал, что верю ей.

— Но и доказать ничего не можешь.

Он молчал.

Мила прошептала:

— Бабушка болеет?

— Нет, — сказал Марк слишком резко.

Девочка вздрогнула.

Он тут же присел перед ней.

— Прости. Нет, маленькая. Не она. Её сестра.

— Она умрёт?

Марк закрыл глаза на секунду.

Вот что делает смерть: она превращает каждый разговор в минное поле.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но сейчас с ней врачи.

Мила кивнула.

Потом вдруг спросила:

— А если я усну, меня украдут?

Я почувствовала, как у меня сжалось сердце.

— Нет.

— Вы будете рядом?

— Буду.

Она посмотрела на Марка.

— И вы?

Он кивнул.

— И я.

— Тогда можно я посплю здесь?

— Можно, — сказала я.

Марк принёс подушку и одеяло. Мила легла на диване, но продолжала держать меня за руку. Я сидела рядом на полу,

пока её дыхание не стало ровнее.

Марк стоял у камина. Не двигался.

Когда девочка наконец уснула, я осторожно высвободила руку и поднялась.

— Теперь говорим, — сказала я.

Он кивнул.

Мы ушли на кухню, оставив дверь в гостиную открытой, чтобы видеть Милу.

— Покажи сообщение, — сказала я.

Марк отдал телефон Кирилла.

Я сфотографировала экран, потом переслала снимок себе.

Марк заметил, но ничего не сказал.

— Кто знал о флешке? — спросил он.

— Кирилл.

— Очевидно.

— Тот, кто отправил мне сообщение ночью.

— Какое сообщение?

Я достала свой телефон и показала ему.

Он прочитал.

Лицо не изменилось. Только взгляд стал темнее.

— Номер тот же?

— Нет.

Он сравнил оба сообщения.

— Одноразовые сим-карты или сервис.

— Ты звучишь так, будто это привычно.

— В нашем бизнесе угрозы не редкость.

— Угрожать пятилетнему ребёнку — тоже обычный вторник?

Он поднял глаза.

— Нет.

Это «нет» прозвучало так, что я впервые за ночь увидела в нём не Громова, а Марка. Того, кто готов разорвать мир голыми руками, если этот мир дотронется до ребёнка его брата.

И это было опасно.

Потому что с таким Марком трудно воевать.

— Что было на флешке? — спросил он.

Я замолчала.

— Алиса.

— Кирилл просил не отдавать тебе.

— Я не прошу отдать. Я спрашиваю, что там.

— Доказательства по моему делу. По Миле. По аварии.

— И?

Я отвела взгляд.

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Там было что-то ещё.

— Неважно.

— Раз ты так говоришь — важно.

— Для тебя нет.

— Папка называлась «Больница_Алиса».

Тишина.

Я поставила телефон на стол.

— Не произноси это.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

— Это связано с тем, что ты сказала в коридоре? Что я не понимаю, что ты потеряла?

Я резко подняла взгляд.

— Остановись.

Он не остановился.

— Ты была в больнице после нашего расставания.

— Марк.

— Это было из-за меня?

Я улыбнулась.

Наверное, страшно.

Потому что он побледнел.

— Всё, что было после той ночи, было из-за тебя. Но это не значит, что ты имеешь право знать детали.

Он отступил на полшага.

Я увидела, как боль попала в цель.

И вместо облегчения почувствовала пустоту.

Марк опустил глаза.

— Хорошо.

Я почти не узнала его голос.

— Я не буду спрашивать сейчас.

Сейчас.

Это слово осталось между нами, как отложенный выстрел.

— Не спрашивай никогда, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Не обещаю.

Я усмехнулась.

— Вот он, честный Марк. Живучий вид.

— Если это касается вреда, который я тебе причинил...

— Причинил? — я тихо рассмеялась. — Как аккуратно.

Как будто ты случайно задел меня плечом в коридоре.

Он молчал.

Я наклонилась к нему через стол.

— Ты не просто причинил мне вред, Марк. Ты оставил меня одну в момент, когда я верила тебе больше, чем себе. Этого достаточно. Не копай дальше.

— А если Кирилл оставил эту папку потому, что это важно для дела?

— Тогда я решу, когда её открыть.

— Ты опять всё возьмёшь на себя?

Я замерла.

Вот это было почти смешно.

— Серьёзно? Ты спрашиваешь меня об этом?

Он устало провёл рукой по волосам.

— Я не хочу повторить старую ошибку.

— Тогда начни с простого. Не решай, что мне нужно.

Марк медленно кивнул.

— Хорошо.

Мы стояли в кухне друг напротив друга.

Два человека, которые слишком долго были по разные стороны боли.

Из гостиной донёлся тихий звук.

Мила повернулась во сне.

Мы оба одновременно посмотрели туда.

И в этот момент во дворе вспыхнули фары.

Резко.

Белый свет ударил по окнам кухни.

Марк мгновенно выключил верхний свет и потянул меня за руку вниз, за кухонный остров.

Я не успела возмутиться.

Он прикрыл меня собой — быстро, почти инстинктивно.

Снаружи хлопнула машина.

Потом ещё одна.

Я услышала шаги по гравии.

Марк достал телефон и набрал Артёма, но вызов не прошёл.

Нет сети.

— Что происходит? — прошептала я.

Он посмотрел на экран.

— Глушат связь.

Холод прошёл по позвоночнику.

Из гостиной сонно позвала Мила:

— Алиса?

Я дёрнулась, но Марк удержал.

— Тихо.

— Она одна.

— Я знаю.

На крыльце раздался стук.

Не звонок.

Именно стук.

Три коротких удара.

Пауза.

Ещё три.

Марк медленно поднялся.

— Возьми Милу и уходи через заднюю дверь.

— А ты?

— Выиграю время.

— Нет.

Он посмотрел на меня так резко, что я замолчала.

— Алиса, сейчас не спорь.

— Ты не понял? Если они за флешкой, они знают, что она у меня.

— Поэтому ты уходишь.

— Она в ноутбуке.

— Где ноутбук?

Я побледнела.

Ноутбук остался в кабинете Кирилла.

Мы посмотрели друг на друга.

Стук повторился.

На этот раз громче.

А потом из-за двери послышался мужской голос:

— Марк Андреевич, откройте. У нас распоряжение забрать ребёнка.

Мила в гостиной заплакала.

Я узнала этот плач мгновенно.

Не громкий.

Задушенный.

Плач ребёнка, который уже решил, что обещания снова не сработали.

И тогда Марк сделал то, чего я не ожидала.

Он не пошёл к двери.

Не бросился к оружию, охране, телефону.

Он повернулся ко мне и сказал:

— Алиса, слушай внимательно. Что бы сейчас ни случилось, ты берёшь Милу и уходишь. Я больше не позволю моей семье забрать у тебя ребёнка.

Я замерла.

У тебя.

Он сам не понял, что сказал.

А я поняла.

Слишком хорошо.

Пять лет назад он уже забрал у меня одного ребёнка своим молчанием.

Теперь стоял перед дверью с людьми снаружи — и, кажется, впервые был готов заплатить за прошлое не словами.

Стук превратился в удар.

Дверь дрогнула.

Марк шагнул вперёд.

А я бросилась в гостиную за Милой.

Глава 8. Не открывай дверь

Мила сидела на диване, вцепившись в зайца так, будто тот мог защитить её от всего мира.

Глаза огромные. Лицо белое. Губы дрожат, но звука почти нет.

Вот что страшнее детского плача — когда ребёнок боится даже плакать.

Я подбежала к ней и опустилась на колени.

— Мила, слушай меня. Мы сейчас поиграем в тихую игру. За моей спиной снова ударили в дверь.

Раз.

Другой.

Третий.

Дом вздрогнул.

Мила зажала рот ладонью.

— Они заберут меня?

— Нет.

— Но они сказали...

— Я слышала, что они сказали. А теперь слушай, что говорю я.

Я взяла её лицо в ладони, заставляя смотреть только на меня.

— Ты берёшь зайца. Не отпускаешь мою руку. Не кричишь. Не бежишь без меня. Что бы ни услышала — смот-

ришь на меня. Поняла?

Она кивнула слишком быстро.

— Голосом, Мила.

— Поняла.

— Молодец.

Я завернула её в плед, потому что она была босиком, потом подхватила на руки. Она оказалась легче, чем должна быть в пять лет. Или это у страха свои законы веса.

В прихожей Марк стоял у двери.

Не открыл.

Просто стоял — широкоплечий, неподвижный, в тени, как последняя перегородка между нами и теми, кто пришёл снаружи.

— Марк Андреевич! — снова прозвучал мужской голос.

— Откройте дверь. У нас распоряжение.

Марк ответил спокойно:

— Представьтесь.

Пауза.

— Служба сопровождения несовершеннолетних.

Я замерла у выхода в кухню.

Марк повернул голову ровно настолько, чтобы увидеть нас. Его взгляд скользнул по Миле у меня на руках, по моему лицу, потом остановился на задней двери.

И я поняла без слов.

Туда.

— Назовите фамилию сотрудника опеки, который выдал

распоряжение, — сказал Марк.

За дверью снова пауза.

Слишком длинная.

— Откройте, и мы всё объясним.

— Нет.

Простое слово.

Но в нём было столько льда, что даже мне стало холоднее.

Снаружи кто-то выругался.

Потом ударили сильнее.

Дверь не распахнулась, но дерево треснуло.

Мила всхлипнула мне в шею.

Я зажала её крепче и пошла к кухне.

Шаг.

Ещё шаг.

Каждая доска под ногой казалась предателем.

Дом Кирилла, такой тёплый вечером, теперь превратился в ловушку: слишком много окон, слишком много теней, слишком далеко до заднего выхода.

На кухонном столе лежал нож.

Обычный, для хлеба.

Я посмотрела на него и тут же отвела взгляд.

Нет.

У меня ребёнок на руках.

Мне нужно не геройствовать. Мне нужно вывести её.

Сзади раздался голос Марка:

— Алиса.

Я остановилась.

— Кабинет.

Сердце провалилось.

Ноутбук.

Флешка.

Папки Кирилла.

— Нет, — прошептала я.

— Они за ней, — сказал он так же тихо. — Не только за

Милой.

Снова удар.

Треск.

Я слышала, как в замке что-то металлически скрежетнуло.

Марк не двигался от двери.

Он смотрел на меня.

И в этом взгляде не было приказа.

Только выбор.

Мой.

Я ненавидела его за то, что он наконец научился давать мне выбор именно сейчас, когда времени на него не было.

Мила дрожала у меня на руках.

Я посмотрела на дверь кабинета.

Три метра в сторону.

Три метра, которые могли стоить нам слишком дорого.

Но если мы уйдём без ноутбука, Кирилл умрёт второй раз — уже окончательно. Его правда заберут те, кто пришёл в

темноте, назвавшись заботой о ребёнке.

Я поставила Милу на пол.

— Смотри на меня. Мы очень быстро зайдём в комнату, возьмём вещь и уйдём.

— Туда нельзя, — прошептала она.

— Почему?

— Папа говорил, если страшно, не заходить в кабинет.

У меня похолодели пальцы.

— Когда говорил?

Она покачала головой.

— Просто говорил.

Слишком поздно.

Я взяла её за руку и рывком открыла дверь кабинета.

Настольная лампа всё ещё горела. На столе лежал мой ноутбук. Рядом — серая папка Кирилла, которую я бросила, когда Мила закричала.

Я схватила ноутбук.

И в этот момент за окном кабинета мелькнула тень.

Человек.

Прямо у стекла.

Я даже не успела вскрикнуть.

Кто-то снаружи ударил по окну чем-то тяжёлым.

Стекло пошло белой паутиной трещин.

Мила закричала.

Я прижала её к себе и отступила.

В прихожей дверь наконец не выдержала.

Грохот.

Голоса.

Марк рывкнул:

— Назад!

Я никогда не слышала у него такого голоса.

Не холодного. Не властного.

Звериного.

Я схватила папку, прижала ноутбук под мышку, Милу — к себе, и выскочила из кабинета через вторую дверь, ведущую в маленькую кладовую. Я заметила её раньше, когда осматривала дом с Ириной Вадимовной.

Спасибо, профессиональная привычка искать выходы.

За стеной что-то упало.

Мужчина вскрикнул.

Марк дрался.

От этой мысли меня чуть не разорвало пополам: одна часть требовала бежать к нему, другая — унести Милу как можно дальше.

Я выбрала Милу.

Потому что Марк сам сказал.

Потому что кто-то однажды должен был выбрать ребёнка.

Кладовая вывела нас в узкий коридор у прачечной. Там была задняя дверь. Я дёрнула ручку.

Заперто.

Ключа нет.

— Нет, нет, нет...

Мила плакала уже беззвучно.

Я поставила ноутбук на пол, начала шарить по полкам. Моющие средства. Тряпки. Коробка с лампочками. Старые перчатки. Ничего.

За дверью в кухню слышались шаги.

Не Марка.

Чужие.

Медленные.

Человек знал, что мы где-то рядом.

Я схватила Милу и отступила к стиральной машине.

На стене висела маленькая ключница. Деревянная, в форме домика. Пустая.

Почти.

На самом нижнем крючке висел ключ с зелёным брелоком-крокодилом.

Кирилл.

Я чуть не рассмеялась от ужаса.

— Спасибо, — прошептала я мёртвому человеку.

Ключ вошёл с первого раза.

Я распахнула дверь.

Холод ударил в лицо.

Мы выскочили во двор.

Дождь снова усилился. Небо было чёрным, сад — сплошной темнотой. Где-то у переднего входа стояли машины с включёнными фарами. Свет резал мокрые деревья на белые полосы.

— Туда, — прошептала Мила.

Я посмотрела на неё.

— Куда?

Она указала в сторону старой теплицы за домом.

— Папа прятал там мой велосипед.

Я не знала, что это даст, но ребёнок знал двор лучше меня.

Мы побежали.

Точнее, я бежала, почти волоча за собой Милу, держа нотбук и папку под мышкой. Плед зацепился за куст, я бросила его. Мила всхлипнула, но не остановилась.

За спиной хлопнула задняя дверь.

— Вот они!

Чужой голос.

Мужчина.

Я ускорилась.

Каблуки вязли в мокрой земле, пальцы скользили по папке, лёгкие горели. Мила споткнулась, я подхватила её и дальше уже почти несла.

Теплица оказалась старой, с выбитыми стёклами и ржавым каркасом. За ней — низкий забор, а дальше темнела узкая калитка.

Заперта.

Конечно.

— Ключ? — выдохнула я.

Мила мотнула головой.

Шаги приближались.

Я оглянулась и увидела две тени между деревьями.

Времени не было.

Я поставила ноутбук на землю, схватила металлическую лопату, стоявшую у теплицы, и ударила по замку.

Раз.

Больно отдало в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.